

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

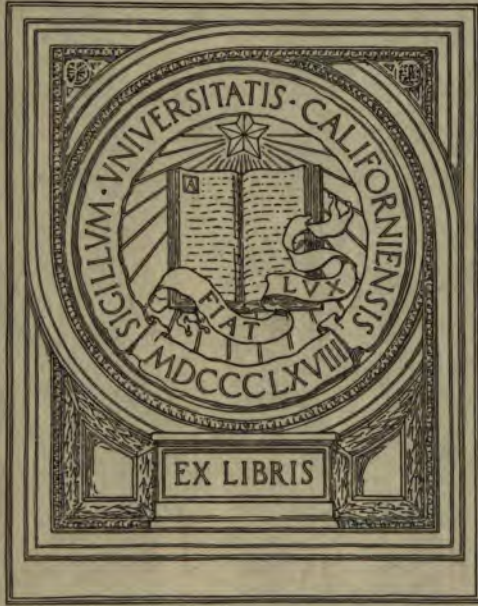
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

· FROM · THE · LIBRARY · OF ·
· PAUL · N · MILIUKOV ·

EX LIBRIS

Н. Біѣлозерскіі.
Х. Бѣлозерскій.

М и р а б о .

(Опытъ характеристики—по Верморелю).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1906

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 іюня 1905 г.

МІЛІЦКОВ ЛІВРАНУ

№ 1000
1905

Типографія Н. Н. Фридберга. Большой Сампсоніевскій просп., 62.

DC 146
 M7B45

М и р а б о .

I.

Въ западно-европейской литературѣ мы находимъ цѣлый рядъ обстоятельныхъ трудовъ и изслѣдованій, посвященныхъ жизни и дѣятельности Мирабо. Кромѣ болѣе раннихъ сочиненій Люка де-Монтињи, Дюмона, Дюваля, Виктора Гюго, Бакура и другихъ, можно указать изъ позднѣйшихъ трудовъ на монографіи: *Aulard*: „L'Assemblée Constituante (1882 г.), *Stern* „Mirabeau“ (1889 г.) и *Mézières*: „Mirabeau“ (1892 г.). Много интересныхъ и цѣнныхъ данныхъ заключается также въ статьѣ о Мирабо Русса въ изданіи „Grands écrivains français“. Однако, несмотря на такое обиліе матерьяловъ, въ исторической наукѣ еще не установилось до сихъ поръ твердаго и опредѣленнаго взгляда какъ на личность Мирабо, такъ и на ту роль, которая выпала на его долю въ великихъ событіяхъ конца 18-го вѣка.

„Мирабо все еще плохо знаютъ и потому неверно судятъ о немъ“,—такъ начинается Верморель свое изслѣдованіе о Мирабо *). Въ то время какъ одни историки превозносятъ Мирабо и не находятъ достаточно яркихъ красокъ и образовъ,

*) *A. Vermorel* „Mirabeau: sa vie, ses opinions ses discours“. Paris. 1886.

чтобы поднять его на недосыгаемую высоту, другіе стараются всѣми силами свергнуть его съ пьедестала и доказать полную несостоятельность восторговъ первыхъ. Въ жестокихъ нападкахъ на Мирабо, какъ человѣка и какъ государственнаго дѣятеля, противники его дошли до того, что даже знаменитыя рѣчи Мирабо, къ которымъ въ свое время напряженно прислушивались не только Франція, но и вся Европа, приписываютъ цѣлой плеядѣ талантливыхъ анонимныхъ сотрудниковъ, которыми будто-бы умѣлъ окружать себя Мирабо. Едва-ли не самую рѣзкую характеристику Мирабо дали Луи-Бланъ и Кабе, совершенно отрицающіе въ немъ всѣ тѣ достоинства и добродѣтели, передъ которыми останавливаются въ изумленіи его поклонники. Ламартинъ въ своей „Исторіи жирондистовъ“ также относится къ Мирабо далеко не сочувственно, хотя и исходитъ въ его оцѣнкѣ изъ совершенно другихъ, чѣмъ Луи Бланъ, взглядовъ. Но особенно сильная реакція противъ Мирабо обнаружилась послѣ 1851 года, когда была опубликована извѣстная „Переписка между гр. Мирабо и гр. Ла-Маркомъ“, заключающая въ себѣ цѣлый рядъ компрометирующихъ Мирабо указаній и документовъ.

Верморель взялъ на себя не легкую задачу не только разобраться въ массѣ противорѣчивыхъ данныхъ, относящихся къ Мирабо, но и реабилитировать въ памяти потомства его нравственную репутацію, насколько даютъ право на это несомнѣнно установленные, объективные факты. Серьезныя противорѣчія, часто встрѣчающіяся въ сочиненіяхъ антагонистовъ Мирабо, навели Вермореля на мысль, что—можетъ быть—они далеко не такъ правы, какъ это кажется съ перваго взгляда или какъ это принято считать. Разъяснить эти противорѣчія, доказать несостоятельность большей части обвиненій, взведенныхъ историками противъ Мирабо,—и составляетъ

ближайшую задачу Вермореля. Но раньше, чѣмъ обратиться къ указанной нами его книгѣ о Мирабо, мы считаемъ необходимымъ напомнить читателямъ главнѣйшія біографическія данныя, относящіяся къ этому замѣчательному человѣку, имя котораго такъ тѣсно связано съ событіями 1789 года.

Мирабо (Габріель-Гоноре-Рикетти) родился 9-го Марта 1749 года на югѣ Франціи—въ Биньонѣ, близъ Немура. Тамъ же, въ Провансѣ, въ одномъ изъ имѣній его отца, выдающагося для своего времени экономиста-физиократа, протекли и ранніе годы дѣтства Мирабо. Запутанныя матеріальныя дѣла семьи, разладъ между отцомъ и матерью, необузданный характеръ отца,—все это не могло оставить у Мирабо особенно пріятныхъ воспоминаній объ его дѣтствѣ. Мало благопріятствовала подобная обстановка и правильному воспитанію будущаго политическаго дѣятеля. Для „обузданія сына“ отецъ помѣстилъ его въ военную школу, а когда тотъ вышелъ изъ школы въ полкъ и надѣлалъ долговъ, отецъ досталъ „*lettre de cachet*“ и засадилъ непокорнаго сына на нѣсколько мѣсяцевъ въ заключеніе въ замокъ Рэ (Rhé). Въ 1772 году Мирабо познакомился въ Э (Aix) съ богатой помѣщицей—Эмилией Мариньянъ и вскорѣ женился на ней. Но бракъ оказался неудачнымъ, и Мирабо, проживши въ самое короткое время большую часть состоянія своей жены, надѣлалъ снова долговъ и былъ сосланъ, по требованію отца, на жительство въ маленькій провинціальный городъ—Маноскъ, гдѣ и написалъ свое первое изслѣдованіе „*Essai sur le despotisme*“. Около 1775 года, когда Мирабо былъ снова заключенъ, сперва въ замокъ Ифъ, потомъ—въ замокъ Жу (Joux), близъ Понтарлье, а жена его оставила своего мужа, Мирабо познакомился въ

этомъ городкѣ съ маркизой Софіей де-Монье. Она бѣжала съ Мирабо отъ мужа сперва въ Швейцарію, затѣмъ—въ Голландію, гдѣ Мирабо, окончательно покинутый отцомъ и всѣми своими родными, зарабатывалъ средства къ существованію статьями и переводами съ нѣмецкаго и англійскаго языковъ. Впрочемъ, французская полиція вскорѣ же накрыла бѣглецовъ. Софія была заключена въ монастырь, а Мирабо, приговоренный парламентомъ за „*rapt et vol*“ чужой жены къ смертной казни, былъ посаженъ въ Венсенскую тюрьму, гдѣ ему и пришлось просидѣть около 3½ лѣтъ. Къ этому времени относится, между прочимъ, его извѣстное изслѣдованіе „*Des lettres de cachet et des prisons d'Etat*“, обнаруживающее уже большую политическую силу автора и строгую обдуманность изложенія. Когда Мирабо получилъ свободу, ему шелъ уже тридцатый годъ. Добившись прежде всего кассации все еще тяготѣвшаго надъ нимъ смертнаго приговора, Мирабо принялъ затѣмъ горячее участіе въ судебномъ процессѣ между его матерью и отцомъ, причемъ—со свойственной ему страстностью подвергнулъ существовавшей тогда во Франціи общественный строй такой рѣзкой критикѣ, что долженъ былъ послѣ одной изъ своихъ рѣчей оставить отечество.

Поселившись въ Голландію, онъ познакомился здѣсь съ г-жей де-Нера и такъ привязался къ ней и ея сыну (Люка де-Монтиньи), что впослѣдствіи усыновилъ его. Вернувшись въ 1785 году въ Парижъ, Мирабо былъ командированъ въ слѣдующемъ году французскимъ правительствомъ въ Пруссію, гдѣ только что умеръ Фридрихъ Великій. Результатомъ этой миссіи были его письма къ министру финансовъ Калону, изданныя въ 1789 году подъ заглавіемъ: „*Histoire secrète de Berlin*“, и обширное изслѣдованіе „*Monarchie prussienne*“. Созваніе генеральныхъ штатовъ,

къ которому должно было въ концѣ концовъ прибѣгнуть королевское правительство Франціи, открыло для Мирабо дорогу къ широкой государственной дѣятельности. Оставшись до конца своей бурной жизни убѣжденнымъ монархистомъ, Мирабо рѣзко нападалъ на всякія сословныя и общественныя привилегіи и требовалъ въ своихъ многочисленныхъ рѣчахъ, произнесенныхъ въ различныхъ городахъ Прованса, полного переустройства господствовавшей системы управления. По прибытіи въ Версаль въ качествѣ депутата отъ 3-го сословія, Мирабо тотасъ же началъ издавать „Journal des Etats généraux“, вскорѣ же, впрочемъ, запрещенный совѣтомъ министровъ за слишкомъ рѣзкія статьи о министрѣ финансовъ Неккерѣ.

Роль, которую игралъ Мирабо въ событіяхъ 1789-го года и послѣдующихъ, слишкомъ хорошо извѣстна каждому сколько-нибудь знакомому съ этой эпохой читателю, чтобъ была надобность останавливаться на этомъ вопросѣ подробно. Когда Мирабо понялъ, что онъ не въ состояніи остановить хода историческихъ событій, которыя пошли гораздо дальше, чѣмъ можно было ожидать вначалѣ, и что онъ не можетъ заставить Учредительное Собраніе дѣйствовать такъ, какъ это казалось ему необходимымъ для блага Франціи, онъ сталъ искать поддержки на сторонѣ и вступилъ въ сношенія съ королевскимъ дворомъ, въ надеждѣ,—конечно,—убѣдить его въ необходимости намѣченныхъ представителями страны коренныхъ преобразованій. Посредникомъ въ этихъ сношеніяхъ явился Ла-Маркъ,—человѣкъ близкій къ королевѣ Маріи Антуанетѣ. Какъ и слѣдовало ожидать, переговоры Мирабо съ дворомъ Людовика 16-го не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, но за-то сильно повредили репутациі его, какъ государственнаго дѣятеля. Поддерживая поколебленную послѣдними

событіями королевскую власть, Мирабо оставался вѣренъ революціи, и если отстаивалъ королевскія прерогативы, напр., въ вопросѣ о правѣ объявлять войну или заключать миръ, то дѣлалъ это изъ искренняго убѣжденія въ невозможности существованія какого бы то ни было прочнаго государственнаго порядка безъ достаточно-авторитетной власти. Теоретическія увлеченія и непониманіе дѣйствительнаго положенія дѣлъ въ странѣ, ошибки, которыя обнаруживались въ нѣкоторыхъ рѣшеніяхъ народныхъ представителей, глубоко возмущали Мирабо и невольно толкали его въ другую сторону,—въ сторону стараго порядка, самое основаніе котораго было уже потрясено. Между тѣмъ, и въ палату и въ народъ уже проникли слухи о томъ, что Мирабо „продался двору“, объ его „измѣнѣ націи“. Печать еще болѣе раздувала эти слухи, и положеніе Мирабо становилось съ каждымъ днемъ все болѣе опаснымъ, пока внезапная смерть не положила конецъ всѣмъ ожесточеннымъ нападкамъ его противниковъ. 28-го Марта 1791 года Мирабо выступилъ со своей послѣдней рѣчью по дѣду Ла-Марка, а черезъ шесть дней послѣ этого Франція узнала о смерти своего трибуна. Тѣло его было положено въ Пантеонъ, но въ августѣ слѣдующаго года, когда были найдены доказательства его сношеній съ дворомъ и тѣхъ денежныхъ „субсидій“, которыя онъ получалъ за свои услуги, останки его были вынесены изъ Пантеона и преданы землѣ на кладбищѣ казненныхъ въ предмѣстьѣ. Сень-Марсо, а на мѣстѣ ихъ былъ положенъ впослѣдствіи прахъ Марата, убитаго 13-го іюля 1793 года Шарлоттой Кордэ.

II.

„Мирабо условному, созданному историками, мы хотимъ противопоставить Мирабо историче-

скаго: мы хотимъ возстановить истиннаго Мирабо“, говоритъ Верморель, приступая къ его характеристикѣ. Для этого нѣтъ надобности писать апологію или сочинять громкія фразы; достаточно изложить эту жизнь,—такъ мало извѣстную, достаточно извлечь изъ праха забвенія его замѣчательныя произведенія, полныя глубокихъ идей и великихъ чувствъ, поражающія силой и оригинальностью своего языка. Верморель просто передаетъ на судъ безпристрастнаго общественнаго мнѣнія тотъ несправедливый приговоръ, который былъ произнесенъ надъ Мирабо его историками, мало освѣдомленными о немъ или завѣдомо и систематически враждебными къ нему. Онъ хочетъ показать, что человѣкъ, о которомъ рассказывалось столько самыхъ непристойныхъ скандальныхъ исторій и похужденій, частная жизнь котораго эксплуатировалась въ печати самымъ безжалостнымъ образомъ, былъ въ дѣйствительности могучимъ и неутомимымъ апостоломъ свободы, заклятымъ врагомъ произвола, мужественнымъ и убѣжденнымъ защитникомъ всѣхъ угнетенныхъ народовъ.

Будучи всего 20 лѣтъ, Мирабо написалъ, какъ извѣстно, книгу, „Essai sur le despotisme“ *), которая, представляя собой полную противоположность книгѣ „Общественный договоръ“ Руссо, является не только первымъ по времени либеральнымъ манифестомъ революціи, но и гражданскимъ символомъ вѣры, до сихъ поръ изумляющимъ читателя смѣлостью и новизной высказанныхъ въ немъ взглядовъ. Въ этомъ сочиненіи съ полной отчетливостью и ясностью опредѣлены, между прочимъ, границы государственной власти; проведена черта между религіей и моралью; указана роль, какую сыграли въ развитіи абсолютизма въ Европѣ такъ называемыя постоянныя арміи; дана

*) „Исслѣдованіе о деспотизмѣ“.

надлежащая оценка феодализму, Ришелье, Людовику XIV и другим историческим деятелям в области создания национального единства Франции. Следующее за этой книгой сочинение „Lettres de cachet et les prisons d'Etat“ *) представляет одно из самых интересных и сильных по языку и содержанию сочинений, какія когда либо были написаны в защиту свободы личности. Даже „Письма из Венсенской тюрьмы“, написанные Мирабо едва-ли не в самые трудные минуты жизни, и тѣ, помимо ихъ чисто-личнаго, интимнаго содержания, заключаютъ въ себѣ богатое идейное содержаніе, такъ какъ ихъ авторъ, отстаивая свои личные права, ни на минуту не забываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ о тѣсной органической связи личности съ окружающей ее социальной средой. Будучи заключенъ въ замокъ Жу, Мирабо беретъ здѣсь на себя защиту одного несчастнаго носильщика, пострадавшаго отъ таможенныхъ чиновниковъ, и сдѣлавшись его добровольнымъ адвокатомъ, составляетъ для него „Memento“, въ страстномъ и сильномъ языкѣ котораго уже чувствуется будущій ораторъ Учредительнаго Собранія. Отстаивая права своего клиента во имя „правъ человека и гражданина“, Мирабо пользуется для этого случая даже тѣми самыми словами, которыя впоследствии цѣликомъ вошли въ текстъ знаменитаго документа, имѣвшаго такія огромныя историческія послѣдствія... Въ той же крѣпости, по порученію ея коменданта, Мирабо составляетъ „записку о солеварняхъ въ Франш-контѣ“, гдѣ,—касаясь политико-экономическихъ вопросовъ, высказываетъ въ первый разъ взгляды, которые онъ такъ энергично защищалъ потомъ на болѣе широкой аренѣ дѣятельности.

Скрывшись затѣмъ, вмѣстѣ съ любимой женщиной, въ Голландію и принужденный зарабатывать

*) Тайные приказы объ арестѣ и государственныхъ тюрьмахъ“.

насущенный кусокъ хлѣба тяжелымъ литературнымъ трудомъ, Мирабо даже въ медовые мѣсяцы своего бурнаго семейнаго счастья не забываетъ о тѣхъ, въ пользу кого онъ можетъ сказать свое горячее слово. Такъ, онъ издаетъ здѣсь, между прочимъ, „Обращеніе къ Гессенцамъ и другимъ народамъ Германіи, проданнымъ ихъ властителями Англіи“, — обращеніе, полное благороднаго негодованія по поводу договора съ англичанами гессен-кассельскаго ландграфа Фридриха II, обѣщавшаго отправить 6000 гессенцевъ въ Америку на помощь Англіи противъ возставшихъ колоній. Въ Венсенской тюрьмѣ Мирабо просидѣлъ, какъ мы уже сказали, болѣе трехъ лѣтъ. Ламартинъ рассказываетъ, будто онъ получилъ свободу цѣной самыхъ унижительныхъ просьбъ къ своему отцу и заискивающе-низкой лести не только достоинствамъ, но и порокамъ послѣдняго. Совершенно иначе думаетъ объ этомъ извѣстный парижскій адвокатъ Барто, имѣвшій случай познакомиться съ дѣломъ Мирабо гораздо ближе Ламартина. Вотъ что онъ говоритъ, по словамъ Вермореля, по этому поводу: „Только подъ давлениемъ невыносимо-тяжелыхъ условій своего заключенія Мирабо рѣшилъ, наконецъ, обратиться къ своему отцу съ просьбой о помощи, но его письма не дали никакихъ благопріятныхъ для него результатовъ: онъ слишкомъ забывалъ въ своихъ письмахъ, что онъ пишетъ отцу, и они насквозь проникнуты полной независимостью характера. Добиваясь освобожденія, Мирабо говоритъ только о своихъ правахъ, обращается къ справедливости; да и вообще языкъ этихъ писемъ — не тотъ языкъ, какимъ надо говорить съ людьми, оскорбившими въ вашемъ лицѣ самые священные законы. Чтобы добиться чего нибудь отъ такихъ людей, имъ надо говорить о состраданіи, молить о жалости, потому что сдѣлавъ зло, такіе люди хотятъ еще унижить свою жертву.“

Мирабо говорилъ о своихъ правахъ и—потому—остался въ заточеніи. Однако онъ не палъ духомъ, не склонился подъ ударами судьбы и продолжалъ настойчиво видѣть въ причиненной ему несправедливости оскорбленіе, нанесенное гражданской свободѣ, безъ которой немислимо существованіе какого бы то ни было законѣрнаго порядка. Его собственный личный интересъ совершенно исчезалъ передъ болѣе общими интересами, и—сидя въ тюрьмѣ—онъ пишетъ свое „исслѣдованіе о тайныхъ приказахъ объ арестованіи“ (*Essai sur les lettres de cachet*). „Письма изъ Венсенской тюрьмы“ можно найти во всѣхъ библиотекахъ, имѣющихъ полное собраніе сочиненій Мирабо, и—достаточно ознакомиться только съ нѣкоторыми изъ этихъ писемъ, чтобы убѣдиться, насколько пристрастенъ былъ Ламартинъ въ своихъ сужденіяхъ объ авторѣ этихъ писемъ“.

Вышедши изъ тюрьмы, Мирабо смѣло встрѣчаетъ лицомъ къ лицу своихъ противниковъ и самъ ведетъ свой процессъ, который окончился отмѣной ранѣе произнесеннаго надъ нимъ смертнаго приговора и разводомъ его съ женою. Такой исходъ процесса, который далъ поводъ для Мирабо раскрыть всѣ слабыя стороны стараго до-революціоннаго порядка производства въ подобнаго рода процессахъ, создалъ ему огромную популярность во всемъ Провансѣ, гдѣ слѣдили за этимъ сенсаціоннымъ процессомъ съ напряженнымъ интересомъ, и несомнѣнно сильно содѣйствовалъ вступленію его въ Генеральныя Штаты. Въ промежуткѣ, между заключеніемъ въ тюрьмѣ и избраніемъ въ депутаты, Мирабо нашелъ время, находясь въ Швейцаріи, вступить передъ французскимъ правительствомъ за женевскую республику, которая терпѣла большія таможенныя неудобства, оказавшись между Франціей и Савойей. Несмотря на крайне запутанныя свои личныя дѣла, Мирабо обстоятельно занялся этимъ вопро-

сомъ и обратился къ генераль-контролеру Франціи — Жюлю де-Флери — съ обширной докладной запиской, въ которой требовалъ уничтоженія таможенъ на женевской границѣ.

Покончивъ со своими процессами, Мирабо счелъ за лучшее все таки, несмотря на ихъ успѣшный исходъ, удалиться на время въ Англiю, — эту классическую страну гражданской свободы. И здѣсь онъ продолжаетъ неутомимо работать въ томъ же, однажды избранномъ направленiи. Такъ, между прочимъ, имъ поднято было, съ той страстностью, какая вообще отличаетъ всѣ его поступки и рѣчи, дѣло Голландцевъ противъ Иосифа II, по поводу свободы плаванія по р. Шельдѣ. Вернувшись затѣмъ во Францію, Мирабо открываетъ настоящий походъ противъ охватившаго тогда всю страну небывалаго ажіотажа. Онъ разоблачаетъ темныя махинаціи ажіотажа, которыя неизбѣжно должны привести къ банкротству государства и къ позорному разоренію частныхъ лицъ, и въ то же время популяризируетъ здравые принципы политической экономiи въ сферѣ банковаго и вообще финансоваго дѣла. Цѣлый рядъ памфлетовъ и брошюръ („Объ учетной кассѣ“, „Письмо къ г. Культе“, „Объ акціяхъ компаниі парижскихъ водопроводовъ“ и т. д.) появляются одна за другой въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Луи Бланъ, который видѣлъ во всѣхъ статьяхъ Мирабо объ ажіотажѣ только доказательства его продажности, не задумывается назвать Мирабо „адвокатомъ Калона“ (тогдашняго министра финансовъ во Франціи), но это обвиненіе не выдерживаетъ серьезной критики. Кромѣ многочисленныхъ цитатъ изъ вышеуказанныхъ статей и брошюръ, Верморель ссылается, въ защиту Мирабо, на письмо послѣдняго къ своему отцу по поводу этихъ статей, а также и на письмо къ самому Калону, которое было написано съ тѣмъ, чтобы предать это письмо гласности. И

тонъ и содержаніе этого письма не имѣютъ ничего общаго съ такими письмами, какія обыкновенно пишутся „продажными“ людьми тѣмъ лицамъ, которымъ они запродали себя. Тѣ, которые повторяли высказанныя Луи-Бланомъ обвиненія противъ Мирабо, совершенно забываютъ при этомъ и то обстоятельство, что хотя первый памфлетъ „Объ учетной кассѣ“ и былъ встрѣченъ сочувственно со стороны министерства финансовъ, но за то всѣ послѣдовавшія за нимъ брошюры объ ажіотажѣ подверглись запрещенію ихъ совѣтомъ министровъ.

Въ перепискѣ графа де-Ламарка съ Мирабо, которая считается документами, наиболѣе всего компрометирующими Мирабо, есть одно интересное мѣсто, затрогивающее этотъ щекотливый вопросъ. Вотъ что пишетъ, между прочимъ, Ламаркъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, послѣ того, какъ ему только что пришлось оказать для Мирабо одну небольшую услугу денежнаго характера. „Незначительная услуга, которую я только что оказалъ ему, давала мнѣ нѣкоторое право войти съ нимъ въ болѣе подробную бесѣду объ его матеріальномъ положеніи и я могъ такимъ образомъ удостовѣриться, что этотъ человѣкъ, на котораго всѣ смотрѣли, какъ на продажнаго, никогда не пожертвовалъ ни однимъ изъ своихъ принциповъ ради денегъ. Онъ разоблачалъ ажіотажъ въ брошюрахъ, которыя почти ничего ему не приносили, въ то самое время, когда спекулировавшіе при помощи ажіотажа предлагали ему значительныя суммы, чтобъ заставить его писать въ свою пользу или по крайней мѣрѣ—купить его молчаніе. Между тѣмъ, отказываясь отъ ихъ предложеній, Мирабо долженъ былъ закладывать въ ломбардѣ все, что у него было цѣннаго изъ вещей. Относительно банка Св. Карла онъ написалъ брошюру, за отказъ отъ напечатанія которой банкъ дѣлалъ ему очень выгодныя де-

нежныя предложенія. Мирабо отъ всего отказался. Позднѣе, ему ставили въ упрекъ, что онъ пользовался услугами кассы герцога Орлеанскаго, а на дѣлѣ оказывается, что въ то само время, когда эта касса была всецѣло къ его услугамъ (сентябрь 1789 года), Мирабо явился ко мнѣ, чтобъ попросить одолжить ему нѣсколько луидоровъ. Я считаю своимъ нравственнымъ долгомъ разрушить, насколько это зависитъ отъ меня, всѣ эти гнусныя обвиненія, повторяемая почти во всѣхъ сочиненіяхъ, касавшихся французской революціи. И я еще разъ скажу: „Нѣтъ, никогда Мирабо не приноситъ своихъ убѣжденій въ жертву своимъ матеріальнымъ интересамъ“. Такъ характеризуетъ Мирабо одинъ изъ его современниковъ, знавшій его безъ сомнѣнія гораздо ближе и лучше многихъ изъ тѣхъ, которые писали о Мирабо впослѣдствіи, часто повторяя только чужія слова.

III.

Чтобы избѣжать мщенія со стороны министра финансовъ Калона, Мирабо въ началѣ 1786 года снова покинулъ Францію и направился на этотъ разъ въ Пруссію,—въ Берлинъ. Здѣсь онъ издаетъ послѣдовательно одну за другой нѣсколько брошюръ, посвященныхъ защитѣ все тѣхъ же великихъ принциповъ, убѣжденнымъ и страстнымъ борцомъ за которые онъ оказывался рѣшительно при всевозможныхъ обстоятельствахъ своей бурной жизни. Такъ, по поводу дѣла Моисея Мендельсона, онъ пишетъ блестящую рѣчь въ защиту политической и гражданской свободы евреевъ; по поводу дѣлъ Калиостро и Лафатера онъ выступаетъ въ защиту правъ разума и началъ истинной религіозной свободы противъ всякаго лицемѣрія и фанатизма въ этой области. И если-бъ кто либо пожелалъ познакомиться болѣе обстоятельно съ той ролью, какую игралъ Мирабо

въ дѣлѣ Лафатера, то достаточно просмотрѣть сдѣланныя Верморелемъ цитаты изъ относящейся къ этому дѣлу брошюры Мирабо, чтобъ видѣть, на чьей сторонѣ—на сторонѣ Лафатера или Мирабо—приходится стать въ данномъ случаѣ друзьямъ свободы и свободной человѣческой мысли.

„Письмо къ Фридриху-Вильгельму II“, съ которымъ Мирабо обратился къ этому монарху тотчасъ же по восшествіи его на престолъ, представляетъ собой самую обстоятельную и серьезную программу наиболѣе мудрой и широко-либеральной политики, когда-либо представленную на благоусмотрѣніе короля-философа. Поставивъ на первомъ планѣ программы интересы гражданской свободы и даже неограниченную свободу печати, доказавъ, затѣмъ, полезность распространенія образованія въ народныхъ массахъ, Мирабо кончаетъ свои мудрые совѣты такимъ обращеніемъ по адресу юнаго монарха, на плечи котораго только что легла такая великая и отвѣтственная задача: „Вы должны считать своимъ достоинствомъ то, чтобъ не управлять слишкомъ...“ Своимъ пребываніемъ въ Берлинѣ Мирабо воспользовался, между прочимъ, чтобъ собрать необходимые матеріалы для своего большого труда о „Прусской монархіи“. Какъ и во всѣхъ другихъ его сочиненіяхъ, здѣсь яркой чертой проходитъ та же основная идея, которая придаетъ такое единство всему вышедшему изъ-подъ пера Мирабо. „Всѣ эти труды, писалъ онъ по поводу этой книги своему сотруднику и другу Мовилльону, надо писать такъ, какъ писалъ нѣкогда Тацитъ свою книгу „Нравы Германцевъ“, чтобъ дать въ ней сатиру на Римъ и его жизнь. Говоря о Пруссіи, я имѣю въ виду Францію, чтобъ изложить тѣ принципы, которые должны быть руководящими въ политикѣ той и другой страны“. Какое важное значеніе придавалъ своей книгѣ о „Прусской монархіи“ самъ Мирабо, можно видѣть изъ при-

веденнаго Мезьеромъ *) отрывка изъ письма Мирабо, къ М-мъ де-Нэра. „Мой другъ, писалъ онъ любимой женщинѣ 22-го августа 1787 года, когда это произведеніе появится, мнѣ будетъ около 38 лѣтъ, и я осмѣливаюсь предсказать, что оно создастъ мнѣ имя и—можетъ быть—заставитъ мою страну пожалѣть немного о томъ, что она оставила въ праздности такого наблюдателя и плохо наградила его за такіе труды“ (стр. 85).

Что же касается секретной миссіи, возложенной на Мирабо французскимъ правительствомъ, то достаточно поверхностнаго знакомства съ его книгой: „Тайная исторія Берлинскаго двора“, чтобъ узнать всѣ подробности, при которыхъ эта миссія состоялась. Когда Мирабо покинулъ Францію, его друзья, давно уже добивавшіеся того, чтобъ французское правительство воспользовалось услугами Мирабо, какъ выдающагося государственнаго человѣка, убѣдили наконецъ министра иностранныхъ дѣлъ въ той пользѣ, какую могла бы извлечь Франція изъ пребыванія Мирабо въ Берлинѣ въ такой важный историческій моментъ, когда надо было ожидать со дня на день смерти Фридриха Великаго и вступленія на Прусскій престолъ его преемника, политическіе взгляды котораго заставляли предполагать возможность полнаго и кореннаго измѣненія во взаимныхъ отношеніяхъ, установившихся между главнѣйшими европейскими государствами того времени. Собственно мысль о возложеніи на Мирабо какой-либо государственной миссіи принадлежала Калону, который былъ—повидимому—не прочь примириться съ такимъ сильнымъ и опаснымъ противникомъ, какъ Мирабо. Послѣднему было предложено для начала представить докладную записку о современномъ положеніи Европы. Мирабо

*) А. Мезьеръ: „Мирабо“, переводъ М. Г. Васильевскаго, подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. И. Карѣва. СПб. 1898.

тотчасъ же составилъ ее, но составилъ ее въ такомъ смѣломъ и независимомъ тонѣ, что Люка Монтинья назвалъ ее „странной“ (étrange), а самъ Мирабо говоритъ о ней, что онъ писалъ ее „какъ человѣкъ свободный, а не какъ придворный“. Опубликованіе „Тайной исторіи Берлинскаго двора“ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Мирабо выставилъ свою кандидатуру на выборахъ въ Провансъ, неразъ ставилось французскими историками въ упрекъ Мирабо, будто бы „продавшему еще разъ документы, которые были уже оплачены“ (Луи-Бланъ). А Дрозъ (Droz) въ своей „Исторіи царствованія Людовика XVI“ даже рассказываетъ подробно о томъ, какъ Мирабо сперва предложилъ правительству купить у него секретныя письма, которыя онъ посылалъ изъ Берлина въ Парижъ, а потомъ, когда правительство согласилось на это и уплатило автору назначенную за нихъ сумму, Мирабо все-таки продалъ рукопись за хорошія деньги одному книгопродавцу, который и напечаталъ ее отдѣльной брошюрой. Защищая Мирабо противъ подобнаго обвиненія, Верморель называетъ весь этотъ рассказъ чистымъ вымысломъ, хотя и признаетъ не совсѣмъ политичнымъ и во всякомъ случаѣ неделикатнымъ по отношенію къ обоимъ заинтересованнымъ въ дѣлѣ правительствамъ опубликованіе указанныхъ писемъ. Что же касается самаго содержанія брошюры, то оно не заключаетъ въ себѣ ничего компрометирующаго для Мирабо, и тѣхъ, кто надѣется найти въ ней какія нибудь скандальныя или грязныя анекдоты, ожидаетъ полное разочарованіе на этотъ счетъ. Во всякомъ случаѣ, пребываніе Мирабо въ Берлинѣ имѣло большое значеніе для его политической карьеры. Книга о „Прусской монархіи“ возбудила вниманіе къ ея автору въ самыхъ широкихъ слояхъ французскаго общества, и политическіе круги Парижа начали смотрѣть на Мирабо, какъ на

силу, съ которой предстояло серьезно считаться, Вслѣдъ за „Обществомъ друзей Черныхъ“ передъ нимъ открылъ свои двери и „Конституціонный клубъ“, подготовлявшій выборы.

Какъ только началось во Франціи подготовительное движеніе къ выборамъ въ Собраніе нотаблей, Мирабо поспѣшилъ покинуть Пруссію. „Я счелъ бы величайшей честью для себя, пишетъ онъ 13 января 1787 года, быть секретаремъ этого Собранія, идею котораго я подалъ первый... Но оставаться здѣсь, чтобы наблюдать грязныя продѣлки администраціи, каждый шагъ которой свидѣтельствуешь объ ея ничтожествѣ и неопытности, у меня не хватаетъ больше силъ, тѣмъ болѣе, что все это ни къ чему, по моему, не послужить... И такъ, устройте, чтобы я могъ возвратиться“... Дѣятельность дипломата вообще не соотвѣтствовала его откровенному и нетерпѣливому складу характера и онъ оставался въ Берлинѣ всего на три дня, послѣ отправленія въ Парижъ только что цитированнаго письма. Свое возвращеніе въ столицу Франціи Мирабо ознаменовалъ немедленнымъ же изданіемъ въ свѣтъ брошюры „Разоблаченіе ажіотажа“, содержаніе которой было обдуманно имъ во время пути. Этотъ новый смѣлый протестъ противъ зла, которое Мирабо считалъ главной причиной государственнаго банкротства, едва было не стоило ему тюремнаго заключенія. Но эта опасность только удвоила его силы, и вслѣдъ за первой брошюрой Мирабо выпускаетъ въ свѣтъ другую, подъ заглавіемъ: „Послѣдствія разоблаченія ажіотажа“...

Не только во Франціи, но и во всѣхъ другихъ странахъ, гдѣ только начиналось общественное движеніе освободительнаго характера, Мирабо уже пользовался въ это время значительнымъ вліяніемъ, которое историки не вполнѣ достаточно, кажется, цѣнятъ и признають. Доказа-

тельствомъ авторитетности Мирабо можетъ служить, между прочимъ, обращеніе къ нему съ просьбой о заступничествѣ Батавцевъ, поднявшихся тогда противъ штатгалтерства. На Мирабо вполне справедливо смотрѣли всѣ, какъ на истиннаго защитника народовъ. Вотъ что находимъ мы въ официальномъ письмѣ, съ которымъ обратились къ Мирабо голландскіе патріоты: „Ваше мужественное краснорѣчіе посвятило себя защитѣ правъ народовъ. Дѣло идетъ о свободѣ цѣлаго народа и о томъ, чтобъ объяснить нашимъ государственнымъ дѣятелямъ, насколько эта революція, на которую они смотрятъ съ такимъ тупымъ равнодушіемъ, можетъ быть гибельной для всеобщей гражданской свободы... Истина часто обнаруживается лишь по истеченіи многихъ лѣтъ, въ продолженіе которыхъ притѣснители спокойно наслаждаются плодами своей тираніи. Одинъ только геній имѣетъ привилегію доставлять торжество свободѣ тотчасъ же, какъ только онъ поднимаетъ за нее свой голосъ. Если онъ молчитъ, когда онъ можетъ говорить, онъ виновенъ. И не долженъ оказаться виновнымъ въ этомъ такой человѣкъ, какъ вы, который всегда былъ защитникомъ свободы и упорнымъ и мужественнымъ противникомъ произвола“... Мирабо не могъ, конечно, устоять противъ подобнаго предложенія и его „Обращеніе къ Батавцамъ“—одно изъ самыхъ краснорѣчивыхъ произведеній, какія только выходили изъ-подъ его пера: оно все, отъ начала до конца, проникнуто однимъ совѣтомъ выступившему на защиту своихъ поправныхъ правъ народу продолжать отстаивать эти права во имя суверенитета народа.

Изъ трудовъ Мирабо, пердшествовавшихъ выступленію его въ роли политическаго дѣятеля, Верморель указываетъ еще на сочиненіе „Наблюденія надъ Бисетрской тюрьмой и о вліяніи строгихъ наказаній“, излагающее истинныя ос-

нованія, на которыхъ должно покоиться уголовное законодательство каждой страны. Въ этомъ произведеніи, написанномъ въ чисто-демократическомъ духѣ, уже чувствуется дыханіе надвигающейся грозы, которая должна была снести старый порядокъ вещей до-революціонной Франціи. „Я настойчиво говорилъ, пишетъ Мирабо въ началѣ этой брошюры, о посягательствахъ на личную свободу гражданъ, о бланковыхъ приказахъ объ арестѣ, о государственныхъ тюрьмахъ, и такъ какъ страданія плебея и бѣдняка заслуживаютъ такого же негодованія, какъ и страданія богача или патрація, то я долженъ былъ поднять вопросъ о нашихъ смиренныхъ домахъ“. Въ томъ же духѣ энергичнаго протеста написана Мирабо и брошюра о „Свободѣ печати“, съ такимъ характернымъ эпиграфомъ изъ Мильтона, автора „Потеряннаго рая“: „убить человѣка, это—убить разумное созданіе; но уничтожить хорошую книгу, это—убить самый разумъ“...

„Вотъ какіе вопросы занимали мысль Мирабо, вотъ какими трудами подготовлялъ онъ себя къ своей политической карьерѣ!...“ говоритъ Верморель, заканчивая характеристику того періода жизни Мирабо, который предшествовалъ появленію послѣдняго въ качествѣ депутата въ Генеральныхъ Штатахъ. Исторія, политика, политическая экономія, финансы, дипломатія,—какихъ предметовъ не касался онъ еще съ самыхъ молодыхъ лѣтъ! Не говоря уже о случайныхъ сочиненіяхъ и брошюрахъ, направленныхъ противъ Калона, Неккера, Бомарше, не говоря о цѣлыхъ томахъ секретныхъ писемъ и докладныхъ записокъ, адресованныхъ министру иностранныхъ дѣлъ, можно смѣло сказать, что за какіе-нибудь пятнадцать лѣтъ Мирабо совершилъ работу, которой хватило бы всякому другому на цѣлую жизнь. Эту гигантскую умственную производительность Мирабо признаетъ даже Мезьеръ, относящійся въ об-

щемъ скорѣе враждебно къ нему, чѣмъ безпристрастно.

IV.

При обстоятельномъ знакомствѣ съ произведениями Мирабо не трудно убѣдиться, что Мирабо былъ въ такой же степени выдающійся ораторъ, какъ и писатель. Не только въ его мысляхъ, но и въ самомъ стилѣ уже можно замѣтить близость надвигавшейся „новой эры“. Въмѣстѣ съ Камилломъ Демулэномъ, Мирабо является, можетъ быть, единственнымъ писателемъ - романтикомъ, яркимъ представителемъ той исторической полосы, литература которой воплотилась въ Андрэ Шенье, искусство—въ Давидъ и самымъ полнымъ, законченнымъ выразителемъ которой былъ Робеспьеръ, съ его напускнымъ ригоризмомъ, религиозной мечтательностью и холодной риторикой. Верморель приводитъ въ своей книгѣ слѣдующую характеристику Мирабо, какъ писателя, сдѣланную Низаромъ еще въ 1834 году въ газетѣ „National“: „Мирабо учится понимать, по мѣрѣ того, какъ пишетъ, и пишетъ, по мѣрѣ того, какъ уясняетъ вопросъ. Постигать и производить—для него нераздѣлимая понятія. Работа руки у него не отстаётъ отъ хода мысли, но онъ пишетъ вовсе не потому, что не могъ бы говорить. Представьте себѣ, что человѣкъ, рожденный для борьбы при помощи слова, для длинныхъ импровизаций, все время подвергается то заключенію въ тюрьмѣ, то изгнанію и —слѣдовательно—не видитъ вокругъ себя никого и ничего, кромѣ безмолвныхъ стѣнъ и тупыхъ тюремщиковъ; не подлежитъ сомнѣнію, что такой человѣкъ начнетъ въ концѣ концовъ повѣрять свои мысли бумагѣ. Его мысль, свободная отъ оковъ, замѣнитъ ему живую рѣчь, запертую на замокъ. Его языкъ величавъ и богатъ, какъ и тотъ языкъ, которымъ онъ заговоритъ впоследствии на трибунѣ. Такъ и

кажется, что все, что написано имъ, было произнесено, и что рука его какъ бы стенографировала его же собственныя рѣчи, произнесенныя въ невольномъ уединеніи. Вы чувствуете, что Мирабо—писатель „на время“—если можно такъ выразиться: настанетъ другое время—и онъ броситъ перо, чтобъ начать говорить“. Мирабо не былъ кроителемъ фразъ, прибавляетъ Верморель къ словамъ Низара, и не имѣлъ времени взвѣшивать каждое свое слово. Онъ бралъ перо только подъ вліяніемъ охватившаго его глубокаго чувства или большого дѣла, которое надо было защитить, и хватался прежде всего за идею, не имѣя досуга останавливаться долго на формѣ. Тѣмъ не менѣе, это не помѣшало тому, что его произведенія отмѣчены печатью оригинальности, отличающей—какъ извѣстно—только великихъ писателей. Его рѣчи, это—настоящій бурный потокъ, который неудержимо несетъ впередъ, все увлекая вслѣдъ за собою. Въ одномъ изъ своихъ „Писемъ объ управленіи Неккера“, самъ Мирабо говоритъ: „можно-ли возродить, даже просто реформировать эту страну, не нападая на отдѣльныхъ лицъ столь же страстно, какъ и на ея порядки?..“

„Мирабо, говоритъ Лагарпъ, былъ въ полномъ смыслѣ слова человѣкомъ революціи. Мы не должны судить о немъ по обыкновенной мѣркѣ, это—больше чѣмъ простой смертный; это, такъ сказать, цѣлая эпоха, воплощенная въ одной личности“. „Мирабо, опредѣляетъ его Викторъ Гюго, не человѣкъ, не народъ, а цѣлое событіе, которое говоритъ.... Событіе огромной исторической важности: крушеніе монархіи во Франціи.“ Несомнѣнно, что всѣ идеи, всплывшія на поверхность во время революціи, были уже высказаны и формулированы гораздо раньше: Вольтеромъ, Руссо, Мабли, Тюрго, Вобаномъ, но надо было превратить всѣ эти идеи въ факты, довершить разрушеніе ветхаго зданія и воздвигнуть на его разва-

линахъ новое,—на новомъ фундаментѣ. Для этой роли требовались и смѣлость духа, и великія силы; и мы находимъ то и другое въ Мирабо болѣе, чѣмъ въ комъ бы то ни было изъ современниковъ. Его гений не только не поблѣднѣлъ при заревѣ общаго пожара, но—напротивъ—развернулся во всей своей силѣ и полнотѣ. Стоя лицомъ къ лицу передъ этимъ неслыханнымъ въ исторіи крушеніемъ, Мирабо не только не потерялъ присутствія духа, но чувствовалъ себя достаточно сильнымъ, чтобъ стоять у руля среди бури и бороться съ ураганомъ, вызваннымъ отчасти имъ же самимъ.

Вотъ что писалъ онъ, между прочимъ, своему другу Мовилльону въ августѣ 1789 года: „Характеръ моихъ поступковъ, моихъ проектовъ и видовъ на будущее становится такимъ, что мнѣ уже невозможно объяснить все это на бумагѣ. Это можно будетъ сдѣлать только при удобныхъ для этого обстоятельствахъ. Вы узнаете тогда, что я—можетъ быть—болѣе, чѣмъ кто бы то ни было другой, содѣйствовалъ успѣху революціи, которая—по моимъ убѣжденіямъ—должна будетъ такъ сильно двинуть человѣческій родъ впередъ. Вы поймете также тогда, что все, что должно было казаться вамъ долгое время вспышками мысли безпокойной головы, было въ дѣйствительности заранѣе обдуманномъ планомъ дѣйствій энергичнаго филантропа, который умѣлъ направить въ сторону намѣченной имъ цѣли всѣ обстоятельства, всѣ случайности своей столь странной и своеобразной жизни“.... Роль, которую игралъ Мирабо въ Учредительномъ Собраніи, въ настоящее время достаточно выяснена и опредѣлена. Въ то время, какъ въ своихъ дѣйствіяхъ онъ олицетворяетъ начавшееся общественное движеніе, въ своихъ идеяхъ онъ представляетъ самое полное и смѣлое выраженіе положенныхъ въ основаніе революціи принциповъ свободы и

справедливости. Одна изъ самыхъ важныхъ ошибокъ Конвента заключалась, какъ извѣстно, въ слишкомъ преувеличенномъ толкованіи значенія „правъ“ и отвѣтственности государства, ради которыхъ такъ часто нарушались самыя неприкосновенныя права человѣческой мысли и личной свободы. Мирабо всегда возставалъ противъ подобнаго толкованія и при всякомъ удобномъ случаѣ отстаивалъ права личности, протестуя противъ поглощенія ея государствомъ. Онъ требуетъ неприкосновенности тайны частной переписки; желаетъ, чтобъ индивидуальная свобода была уважаема государствомъ во всѣхъ ея проявленіяхъ, даже въ правѣ каждаго гражданина покинуть свое отечество, если только его не удерживаютъ въ немъ какія-либо спеціальныя общественныя обязанности; онъ выступаетъ сторонникомъ неограниченной свободы печати, а самая широкая свобода совѣсти и религіознаго культа представляется для Мирабо правомъ настолько священнымъ, что самое слово „вѣротерпимость“, которымъ принято ее обозначать, кажется ему тираническимъ, потому что уже одно существованіе власти, которая имѣетъ право относиться къ данному культу съ терпимостью, является въ его глазахъ покушеніемъ на свободу мысли и совѣсти. Такимъ убѣжденіямъ Мирабо какъ будто нѣсколько противорѣчитъ та борьба противъ католическаго духовенства, въ которой онъ принималъ участіе во время революціи, но объясненіемъ этого обстоятельства является до извѣстной степени общій ходъ вещей, противъ котораго часто оказываются безсильными даже такія крупныя личности, какъ Мирабо. Вотъ что писалъ онъ, между прочимъ, въ одномъ частномъ письмѣ конфиденціального характера по поводу преслѣдованій, поднятыхъ противъ духовенства. „Къ тѣмъ язвамъ, которыя разѣдаютъ и разрушаютъ политическій организмъ Франціи, прибавилась еще од-

на новая и самая опасная изъ всѣхъ. Рядомъ съ политическимъ расколомъ мы поднимаемъ еще расколъ религіозный, вызывая тѣмъ самымъ серьезную опасность, которая можетъ кончиться полнымъ крушеніемъ всего, если только національному собранію не надоѣстъ въ скоромъ времени подчиненіе вліянію партіи анархизма....“

Уваженіе ко всякому чужому мнѣнію и убѣжденію, каково бы ни было послѣднее,—какъ въ области политики, такъ и въ религіозной и философской сферахъ, составляетъ едва-ли не одну изъ самыхъ замѣчательныхъ чертъ въ характерѣ Мирабо. Онъ желалъ свободы даже для іезуитовъ, относился съ терпимостью даже къ „людямъ съ четками“. Онъ предлагалъ королю призвать къ образованію министерства всѣ партіи, существовавшія тогда во Франціи, не исключая и якобинцевъ. Слѣдующія строки, извлеченныя Верморелемъ изъ „Писемъ къ Мовильону“, резюмируютъ вполне ясно взгляды Мирабо въ этомъ отношеніи. „Мы представляемъ собою удивительную смѣсь Ормузда и Аримана или—выражаясь болѣе философски—небеснаго божественнаго духа и несовершенной и непослушной матеріи. Поэтому, мы не должны никогда ни удивляться, ни презирать чрезмѣрно; еще менѣе того мы имѣемъ право отчаиваться или ненавидѣть. Три пути должны вести насъ къ самой широкой и неизмѣнной снисходительности: сознаніе нашихъ собственныхъ слабостей, осторожность, которая опасается оказаться несправедливой, и желаніе дѣлать добро,—желаніе, которое, не будучи въ состояніи передѣлать ни людей, ни вещей, должно стараться извлечь возможную пользу изъ всего окружающаго, какъ оно есть. Я считаю себя нравственно-обязаннымъ относиться отнынѣ съ подобной крайней терпимостью ко всѣмъ мнѣніямъ—и философскимъ, и религіознымъ. Надо подавлять дурные поступки, но приходится терпѣть дурныя мысли

и особенно—плохія разсужденія. Ханжа и безбожникъ, сторонникъ свободнаго развитія и поклонникъ регламентации,—всѣ они должны служить для людей, одаренныхъ честолюбивымъ желаніемъ помогать ближнему,—къ благополучію человѣческаго рода Будемъ, поэтому, снисходительными и къ нѣкоторымъ писателямъ: если они апеллируютъ къ разуму, это очень хорошо; если они обращаются къ свободѣ, это еще лучше; мы имъ скажемъ тогда, что свобода мыслить, писать, а особенно свобода труда, торговли, составляютъ душу политики.... Они всплеснутъ руками, будутъ повторять это вмѣстѣ съ нами, а вслѣдъ за ними будутъ то же дѣлать и ихъ ученики. Будемъ снисходительны даже къ людямъ съ четками: они обожаютъ Провидѣніе и они—правы. Мы имъ скажемъ, что Оно преисполнено благожелательности и предписываетъ намъ подражать ему въ этомъ; что Оно одарило человѣка потребностями, удовлетворенію которыхъ мы должны содѣйствовать всѣми силами; что Оно дало человѣку права, но возложило на него и обязанности, и мы создадимъ—такимъ образомъ—изъ нашей услужливой философіи своего рода религію, культъ. Въ самомъ дѣлѣ: въ извѣстномъ смыслѣ можетъ служить ко благу человѣка рѣшительно все: событія, люди, вещи, мнѣнія; при умѣнью—все это можно утилизировать. Если я слишкомъ старъ для того, чтобъ употребить остатокъ своихъ силъ на войну, въ качествѣ дѣйствующаго лица, то я могу помогать тѣмъ, которые помогаютъ. Можно даже извлечь пользу изъ людей съ слабыми мыслительными способностями, убѣдивъ ихъ въ томъ, что они—очень полезны. Не будемъ, поэтому, никого исключать, а постараемся подойти къ каждому съ той стороны, съ которой онъ наиболѣе доступенъ. Зло—то, что вредить; благо—то, что приносить пользу. Мы должны избѣгать враждебнаго отношенія къ другимъ школамъ; потомство раз-

береть впослѣдствіи, кто былъ правъ. Наша обязанность, это—ускорить, насколько это зависитъ отъ насъ, на нѣсколько лѣтъ, на нѣсколько мѣсяцевъ, даже на нѣсколько дней наступленіе царства собственности, свободы и взаимныхъ услугъ“...

Что касается собственно-религіозныхъ взглядовъ Мирабо, то они одинаково далеки какъ отъ фанатической религіозности Робеспьера, старавшагося навязать новорожденной французской республикѣ officialный культъ Высшаго Существа, такъ и отъ крикливаго, непослѣдовательнаго и по существу своему—суевѣрнаго безбожія вольтеровской школы. Онъ выше предразсудковъ, вытекающихъ изъ религіознаго чувства. „Онъ не вѣрилъ въ Бога“, какъ говоритъ о немъ Ламартинъ, но онъ вѣрилъ въ человѣчество, которое носитъ въ себѣ сознаніе своего собственнаго закона. Мирабо отдѣлялъ нравственность отъ религіи, уважая послѣднюю, какъ мы должны уважать всѣ личныя чувства, но справедливо запреща ей всякое общественное или политическое вліяніе. Это ясно видно изъ его брошюры о Лафатерѣ, нѣкоторыхъ „Писемъ изъ Венсенской тюрьмы“ и др. его сочиненій.

Въ области финансовой и торговой политики Мирабо всегда былъ противникомъ всякихъ произвольныхъ и запретительныхъ мѣропріятій. При всякомъ удобномъ случаѣ онъ высказывался противъ всякихъ монополій и привилегій, отстаивая самую широкую свободу промышленности и торговли. Обладая умомъ глубокимъ и проницательнымъ, Мирабо предвидѣлъ, какое значеніе долженъ будетъ получить со временемъ социальный вопросъ, понимая его въ самомъ широкомъ смыслѣ. Уже въ письмѣ своемъ къ Фридриху Вильгельму онъ предлагалъ послѣднему устроить государственныя мастерскія для рабочихъ; въ одной изъ рѣчей, произнесенныхъ въ Учредительномъ Собраніи, уже ясно видѣнъ тотъ принципъ, который

былъ положенъ въ послѣдствіи въ основу общественной взаимопомощи. Наконецъ, въ одномъ изъ проектовъ, написанномъ собственной рукой Мирабо и касающемся распредѣленія пособій среди нуждающагося парижскаго населенія въ суровую зиму 1790 года, Мирабо устанавливаетъ принципъ предварительнаго вычета изъ рабочей платы для того, чтобъ помощь нуждающимся не носила благотворительнаго характера, а была основана на прочномъ фундаментѣ взаимопомощи. Мотивируя предлагаемыя имъ мѣры, Мирабо ясно указываетъ и на „опасность“, и на „безнравственность милостыни“ въ дѣлѣ общественной важности, гдѣ милостынѣ и подачкамъ не должно быть мѣста.

V.

Биографы Мирабо часто указываютъ на то, будто бы онъ никогда не возвышался въ своихъ политическихъ взглядахъ до пониманія республики и что его программа не шла дальше умѣренной и конституціонной монархіи. Чаше всего подобное указаніе приходится встрѣчать у историковъ, относящихся въ общемъ благосклонно къ Мирабо и желающихъ этимъ указаніемъ нѣсколько оправдать его сношенія съ королевскимъ дворомъ. Тутъ кроется несомнѣнное недоразумѣніе. Въ то время, какъ въ области идеала, въ сферѣ чисто-идейной Мирабо ушелъ, можетъ быть, дальше всѣхъ своихъ современниковъ, въ практической жизни онъ ни на минуту не забывалъ истиннаго положенія вещей. Онъ понималъ, что можно все скомпрометировать, заставляя итти слишкомъ ускореннымъ маршемъ, и—заботясь болѣе о торжествѣ своихъ идей, чѣмъ о дешевой популярности, которую можно купить только цѣной лести народнымъ страстямъ, Мирабо наблюдалъ развитіе новыхъ идей, охватывавшихъ страну, спокойнымъ и увѣ-

реннымъ взглядомъ, стараясь сообразовать свои дѣйствія съ прогрессомъ общественнаго мнѣнія. Съ этой точки онъ признавалъ временную необходимость монархїи, вполне ясно представляя всѣ неудобства и непрїятности, какія навлекало на него это признаніе. „Возбужденіе общественное до того велико, писалъ онъ по этому поводу Мовильону, что всѣ негодуютъ на меня за то, что я принадлежу къ умѣреннымъ партїямъ. Но я глубоко убѣжденъ, что наши избиратели совершенно не интресуются нашими метафизическими пренїями, какъ бы важны ни были послѣднія, и что мы можемъ рассчитывать на ихъ поддержку развѣ въ томъ только случаѣ, когда рѣчь пойдетъ объ увеличеніи приварка... Я убѣжденъ, что лучшее средство заставитъ революцію потерпѣть крушеніе—это потребовать сразу слишкомъ многого и что я еще долгое время буду навлекать на себя упреки, о которыхъ сказано выше“... Въ то же время Мирабо писалъ въ своемъ „Провансальскомъ Курьерѣ“: „Если идея осуществленія въ общественной жизни великихъ принциповъ свободы и принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя сильнѣе всего могутъ увлечь человѣка, желающаго принести пользу человечеству, за то каждый разъ, какъ только доходитъ дѣло до практической дѣятельности, намъ предстоитъ разрѣшить дилемму. Истина предписываетъ „сказать все“, не останавливаясь ни передъ чѣмъ; житейская же мудрость совѣтуетъ повременить; съ одной стороны, справедливость побуждаетъ не останавливаться передъ робкими опасенїями осторожности; съ другой--боязнь вызвать опасное броженіе тревожитъ всѣхъ тѣхъ, которые не хотѣли бы покупать благополучіе потомства цѣной несчастїй для современнаго поколѣнія. Земные тираны, покрывающіе поверхность земли бѣдствїями и опустошенїями, не испытываютъ и половины тѣхъ тревогъ, какія приходится переживать людямъ, ста-

раующимся уменьшить эти бѣдствія. Философъ, который работаетъ для исторіи и въ теченіе своей жизни не имѣетъ дѣла съ толпой, долженъ отстаивать интересы человѣчества безъ мучительныхъ колебаній; его осторожность была бы слабостью, терпимость—измѣной своему дѣлу. Но государственный дѣятель, имѣя дѣло съ толпою, подчиняется въ своихъ поступкахъ законамъ постепенности; онъ даетъ оружіе въ руки народа только послѣ того, какъ научить его пользоваться этимъ оружіемъ, изъ опасенія, чтобъ народъ не употребилъ его въ минуты опьяненія противъ себя самого, отбросивши затѣмъ отъ себя это оружіе и съ раскаяніемъ, и съ ужасомъ“...

Самъ Ламартинъ, который—какъ мы уже увидѣли—относится къ Мирабо болѣе, чѣмъ строго, признаетъ, что Мирабо, высказывавшій сплошь и рядомъ самыя крайнія мнѣнія съ трибуны, былъ весьма далекъ отъ этихъ крайностей въ своихъ сужденіяхъ. Философскіе принципы, которые одушевляли его и торжество которыхъ надъ рутинной и застарѣлыми предразсудками составляло задачу его государственной дѣятельности, не имѣли въ его головѣ того узкаго и фанатическаго характера, который заставляетъ человѣка ниспровергать все, что случайно оказывается передъ нимъ на пути. Его разсудокъ управлялъ его страстями; знаніе исторіи и ея законовъ смягчало и—такъ сказать—сглаживало крайность его политическихъ взглядовъ; онъ отдавалъ себѣ отчетъ въ тѣхъ препятствіяхъ, какія стояли на пути, и считалъ необходимымъ считаться съ установившимися привычками. Онъ прекрасно понималъ, по выраженію Ламартина, «какое огромное мѣсто занимаетъ въ настоящемъ и въ будущемъ французской націи ея прошлое, хотя бы и очень плохое»; энтузіастъ по складу своей натуры, Мирабо, тѣмъ не менѣе, не довѣрялъ энтузіазму, потому что хорошо зналъ, что тотъ самый энту-

зіазмъ, который можетъ поднять народъ выше его обычнаго уровня, долженъ неизбѣжно уронить его потомъ еще ниже, когда остынетъ пылъ возбужденія. Онъ создавалъ, разрушая, но въ то же время чувствовалъ, подобно большинству своихъ современниковъ, что государственныя учрежденія, безъ корней и предковъ, перенесенныя Лафайетомъ изъ Америки во Францію, были учрежденіями слишкомъ преждевременными для старой Европы, и что мѣсто, которое занималъ тронъ во Франціи въ теченіе тринадцати вѣковъ, должно было образовать, въ случаѣ паденія трона, пустоту, которую стали бы наполнять потомъ анархія, диктатура, деспотизмъ солдатъ или черни. Мирабо не вѣрилъ въ вѣчность монархіи, но признавалъ ея временную необходимость... Въ принципѣ онъ требовалъ отъ революціи только преобразованія абсолютнаго режима въ конституціонный, который открылъ бы доступъ къ власти людямъ знанія и таланта, а для націи гарантировалъ бы спокойное развитіе по пути прогресса и совершенствованія. Его государственно-политическимъ идеаломъ было уничтоженіе теократической власти и феодальной аристократіи съ одной стороны и верховное главенство націи—съ другой, главенство—проявляющееся въ законодательной власти черезъ выборное представительство, а въ качествѣ исполнительнаго органа имѣющее короля, который правитъ уже не въ интересахъ знати или какой либо одной общественной группы, а въ интересахъ всеобщаго блага, равно-доступнаго для всѣхъ гражданъ страны.

Безкорыстіе патріотизма Мирабо и поразительная сила его обаянія, какъ политическаго дѣятеля, признаются даже его противниками. Мирабо предвидѣлъ съ замѣчательной ясностію и кровавую анархію 93 года и военную диктатуру, какъ неизбѣжное послѣдствіе необузданной де-

магогії. Онъ хотѣлъ предохранить свою родину отъ всѣхъ этихъ печальныхъ явленій, такъ гибельно отразившихся на свободѣ; онъ хотѣлъ прочно укрѣпить за націей пріобрѣтенныя ею права и помѣшать тому, чтобъ живыя силы націи, дезорганизованныя только что пережитымъ ею потрясеніемъ, послужили на пользу возрожденія деспотизма, хотя и въ измѣненной нѣскольکو формѣ. Только подъ влияніемъ такихъ соображеній имъ была сказана въ Учредительномъ Собраніи извѣстная рѣчь въ защиту королевскаго „veto“. Въ тотъ самый день, въ который онъ говорилъ депутатамъ, что „народъ, это—все“, онъ произнесъ также слѣдующія слова: „Я считаю королевское „veto“ настолько необходимымъ, что предпочелъ бы жить скорѣе въ Константинополѣ, чѣмъ въ Римѣ, если бы послѣдній не имѣлъ его“. Это сближеніе двухъ повидимому совершенно противоположныхъ принциповъ объясняетъ, по мнѣнію Вермореля, все политическое міросозерцаніе Мирабо. Сущность своихъ взглядовъ по данному вопросу Мирабо развила въ послѣдствіи съ изумительной искренностью на страницахъ „Провансальскаго Курьера“. Онъ беретъ основныя положенія своей вышеупомянутой рѣчи и доказываетъ, что въ области политики всегда—слѣдуетъ создавать противовѣсъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ равновѣсіе кажется недостаточно прочнымъ или сомнительнымъ.

Онъ высказываетъ здѣсь, между прочимъ, цѣлый рядъ соображеній, важность которыхъ—можетъ быть—была не вполне ясна для его современниковъ, но совершенно ясна для насъ,—послѣ Конвента и Директоріи, сопровождавшихся Консульствомъ и Имперіей. „Когда исполнительная власть, освободившись отъ всякихъ стѣсненій и ограниченій, достигаетъ въ своемъ произволѣ крайнихъ предѣловъ, то начинаетъ потомъ сама собою разлагаться, снова возвращаясь къ націи,

бывшей ея первоисточникомъ. *Всѣ* исправляютъ тогда ошибки *одного*; политическій механизмъ восстанавливается и гражданская свобода снова возрождается изъ такого кризиса. Исторія даетъ намъ немало примѣровъ, подтверждающихъ эту мысль. Но если бы революція приняла другое направление; если-бъ Законодательное Собраніе, располагая всѣми средствами для того, чтобъ сдѣлаться деспотическимъ, дѣйствительно сдѣлалось таковымъ, то на его наизбѣжныхъ въ такомъ случаѣ развалинахъ тотчасъ зародились бы новыя опасныя въ общественномъ смыслѣ партіи; болѣе вліятельные руководители нѣкоторыхъ изъ нихъ сдѣлались бы ихъ центрами, при чемъ каждая партія старалась бы подчинить себѣ, во что бы то ни стало, другія партіи. И тогда всеобщая анархія уничтожила бы всякое правительство. И если бъ королевская власть, послѣ цѣлаго ряда лѣтъ бѣдствій и беспорядка, восторжествовала, наконецъ, то произошло бы это при полномъ крушеніи, уничтоженіи всего, что только что было создано передъ этимъ. Политическая свобода оказалась бы погребенной подъ развалинами, и остался бы одинъ неограниченный повелитель, подъ именемъ короля, и народъ, который спокойно жилъ бы, несмотря на свое порабощеніе, подъ гнетомъ деспотизма, почти необходимаго при подобныхъ условіяхъ.

Изъ этихъ строкъ видно, что Мирабо предвидѣлъ вполне ясно тѣ подводные камни анархіи, о которые должна была разбиться революція, и—отстаивая „*veto*“ короля, онъ только хотѣлъ предупредить возможность крушенія. Не надо при этомъ забывать и о томъ, кто королевская власть тогда еще имѣла такой престижъ и такую силу, какихъ мы не можемъ и представить себѣ въ настоящее время. Это была, какъ извѣстно, эпоха царей-философовъ; въ теченіе всего 18-го вѣка публицисты даже самаго радикальнаго образа мы-

слей, подготовлявшіе переворотъ и въ нравахъ и въ идеяхъ, ожидали только сверху инициативы общественнаго обновленія. Мирабо первый открылъ французскому народу глаза на ту силу, которую онъ имѣеть, хотя и въ скрытомъ состояніи, и первый выдвинулъ на политическую сцену этотъ новый элементъ, получившій впоследствии такое важное значеніе въ исторіи общественнаго развитія. Но въ ожиданіи того времени, когда народъ будетъ подготовленъ къ роли вершителя судебъ міра и достаточно просвѣщенъ для успѣшнаго исполненія этой роли, необходимо было создать какой-нибудь громоотводъ, который предотвратилъ бы возможность анархіи, всегда ведущей къ деспотизму. Мирабо понялъ это, и хотя не вѣрилъ ни въ мудрость, ни въ безкорыстіе царей-философовъ, но такъ какъ монархія была еще слишкомъ вліятельной, то считалъ возможнымъ воспользоваться ея силой, какъ полезнымъ орудіемъ. Ставъ въ близкія отношенія къ Фридриху Великому, онъ подчинился обаянію личности послѣдняго, но это добровольное подчиненіе не имѣло ничего общаго съ признаніемъ того принципа, представителемъ котораго являлся Фридрихъ Великій. Когда же взошелъ на престолъ Фридрихъ Вильгельмъ, то Мирабо привѣтствовалъ это восшествіе, какъ зарю освобожденія для прусскаго народа, но въ то же время подавалъ новому монарху полезный практическій совѣтъ—„не слишкомъ управлять“. Надежды, которыя Мирабо возлагалъ на Фридриха Вильгельма по отношенію къ Пруссіи, онъ перенесъ и на своего короля—Людовика XVI, которой, вступая на престолъ, былъ одушевленъ—какъ извѣстно—самыми лучшими намѣреніями и—если имѣлъ какіе-либо серьезные личные недостатки, то такими были главнымъ образомъ его нерѣшительность и безхарактерность. Неудивительно, поэтому, что Мирабо обращалъ на молодого мо-

нарха Франціи такіе же полные радужныхъ надеждъ взоры, какъ и на французскій народъ, тѣмъ болѣе, что борьба партій и личныхъ честолюбій, обнаружившаяся въ Учредительномъ Собраніи съ первыхъ же дней его существованія, давала право серьезно опасаться за благополучный исходъ борьбы между старымъ и новымъ порядкомъ вещей. Отсюда и начало его сношеній съ королевскимъ дворомъ, которыя—собственно говоря—существовали всегда, съ того дня, какъ на Мирабо было возложена уже извѣстная читателямъ миссія въ Берлинѣ. Верморель не беретъ на себя смѣлости оправдать эти сношенія цѣликомъ, но онъ пытается „объяснить“ ихъ, исходя какъ изъ фактовъ, такъ и изъ психологическихъ мотивовъ, вызывавшихъ тѣ или другіе факты.

VI.

Для того, чтобъ сношенія Мирабо съ дворомъ Людовика XVI могли быть поставлены Мирабо въ вину и давать право для обвиненія его въ „измѣнѣ“, необходимо было бы доказать, что Мирабо заключилъ союзъ съ королевскою властью противъ народа, съ той цѣлью, чтобъ остановить революціонный потокъ, угрожавшій снести старый порядокъ вещей. Но доказать это довольно трудно, такъ какъ въ дѣйствительности Мирабо вступилъ въ переговоры со дворомъ только въ интересахъ народа и во имя того дѣла, которое должно было создать для этого народа новыя условія его общественно-государственной жизни. Онъ сдѣлалъ все, чтобъ отстоять передъ трономъ интересы революціи и положить прочное основаніе для осуществленія тѣхъ принциповъ, которые были провозглашены имъ—однимъ изъ первыхъ. И такъ какъ весь хара ктеръ его сношеній съ королевскимъ дворомъ показываетъ, что Мирабо сохранялъ при этомъ полную независимость и

страстность своего темперамента, то эти сношенія не только не могутъ запятнать его имя въ исторіи, но скорѣе могутъ только содѣйствовать выясненію его личности и болѣе яркому изображенію той роли, которую ему пришлось играть въ исторіи Франціи. Знакомясь съ подробностями исторіи этихъ сношеній, мы видимъ, что Мирабо остается все время самимъ собою, не измѣняя себѣ ни въ чемъ: это все одинъ и тотъ же Мирабо какъ въ его интимныхъ письмахъ изъ Венсенской тюрьмы, такъ и въ частной перепискѣ съ Мовильономъ и другими друзьями; какъ въ своихъ рѣчахъ, произнесенныхъ въ Учредительномъ Собраніи, такъ и въ статьяхъ, напечатанныхъ въ „Провансальскомъ Курьерѣ“. Всѣ документы, касающіеся личности Мирабо и опубликованные до настоящаго времени, (трудно указать другого государственнаго дѣятеля, личная жизнь котораго была бы такъ освѣщена въ печати до мельчайшихъ интимныхъ подробностей, какъ жизнь Мирабо), свидѣтельствуютъ только о несомнѣнной цѣльности, послѣдовательности и единствѣ его натуры,—той цѣльности, которая составляла едва-ли не основную, доминирующую черту его душевнаго склада.

Въ первомъ своемъ „Мемуарѣ“, адресованномъ къ королю 15 октября 1789 года, Мирабо отвѣчаетъ на нѣкоторые тревожные вопросы, волновавшіе дворъ послѣ бурныхъ дней 5—6 октября, когда тысячи народа отправились изъ Парижа въ Версаль „за хлѣбомъ“ и Лафайетъ вынужденъ былъ слѣдовать съ національной гвардіей за этой толпой. Перечисливъ всѣхъ союзниковъ, на которыхъ могла бы опереться королевская власть, Мирабо останавливается въ концѣ концовъ на народѣ, какъ единственномъ надежномъ союзникѣ, который можетъ оказаться дѣйствительно полезнымъ. Но—какъ и слѣдовало ожидать—дворъ Людовика XVI могъ только от-

вергнуть подобный совѣтъ и начавшіяся сношенія были такимъ образомъ прерваны до 16-го мая 1790 года, когда они возобновились опять, съ тѣмъ, чтобъ сдѣлаться болѣе или менѣе регулярными. Въ новой „докладной запискѣ“, представленной Мирабо по просьбѣ двора, Мирабо прямо утверждаетъ, что „возстановленіе монархіи на старыхъ началахъ, только что разрушенныхъ революціей, было бы предпріятіемъ выше человѣческихъ силъ. Какъ бы искусной и сильной ни считала себя власть, она не можетъ достигнуть этого, и всякая контръ-революція была бы при подобныхъ условіяхъ не только безтактной и опасной, но прямо-преступной“. Въ революціи принимала участіе, по мнѣнію Мирабо, прямо или косвенно, вся Франція, начиная съ короля и кончая его послѣднимъ подданнымъ. Но когда старое зданіе начало рушиться, нѣкоторыя лица стали принимать различныя мѣры, скорѣе—впрочемъ—опасныя, чѣмъ полезныя, чтобъ не быть заживо погребенными подъ этими развалинами. О томъ, чтобъ Мирабо принялъ на себя защиту старой монархіи, не можетъ быть—конечно—и рѣчи, пишетъ онъ королю: все, чего онъ—Мирабо желалъ бы достигъ,—это „видоизмѣнить, возродить королевскую власть, создавъ, — наконецъ—для Франціи такую форму правленія, которая—подобно существующей въ Англіи—могла бы поднять страну до апогея могущества и славы“.

Чтобъ легче убѣдить короля, Мирабо старается доказать, что революція, въ ея окончательномъ итогѣ, оказывается полезной въ интересахъ той же королевской власти. „До революціи, пишетъ онъ, авторитетъ королевской власти былъ неполнымъ, потому что послѣдняя не опиралась на законы; недостаточнымъ, потому что онъ поддерживался скорѣе силой, чѣмъ общественнымъ мнѣніемъ, и въ то же время—непрочнымъ, такъ

какъ всегда могъ быть разрушенъ революціей, готовою разразиться каждую минуту. Король долженъ былъ считаться со знатю и духовенствомъ, считаться съ парламентами; осыпать дворъ милостями... Его съ виду неограниченная власть въ дѣйствительности не была таковою. Король издавалъ законы для страны, общественное мнѣніе санкціонировало ихъ, но власть исполнительная не становится сильнѣе отъ соединенія ея въ однѣхъ рукахъ съ законодательной властью. Новая конституція предоставляетъ королю право отмѣнять дурные законы, но она не лишаетъ его средствъ заставить принять хорошій законъ. Прежде король самъ устанавливалъ тѣ или другіе налоги, но это право составляло въ сущности одно лишнее затрудненіе, служившее при томъ—источникомъ вѣчныхъ взаимныхъ недоразумѣній между нимъ и его подданными“. „Развѣ власть монарха уменьшится отъ того, что ему останется только оказывать благодѣянія въ обмѣнъ за любовь народа?“ спрашиваетъ Мирабо. Правда, что воля короля исполнялась раньше безъ всякихъ затрудненій; но въ дѣйствительности подобный родъ авторитета былъ полезенъ только для министровъ, которые одни только и могутъ пожалѣть о немъ. Устанавливая отвѣтственность министровъ, Національное Собраніе создаетъ тѣмъ самымъ непогрѣшимость короля. „Сравните же теперь новый порядокъ вещей съ прежнимъ: развѣ имѣетъ какое-либо значеніе, что король остается безъ парламентовъ, безъ привилегированныхъ, безъ знати, безъ духовенства? Идея образованія одного класса гражданъ пришла бы по душѣ самому Ришелье. Если такого рода ровная поверхность благопріятствуетъ свободѣ, то она облегчаетъ также пользованіе властью. Нѣсколько царствованій не могли бы сдѣлать для авторитета власти столько, сколько можетъ сдѣлать одинъ годъ свободы. Другую часть кон-

ституціи нельзя признать исключительно благопріятствующей королю или народу. Особенно много хлопотъ можетъ причинить странѣ слишкомъ запутанная и сложная административная система. Узурпація власти, столкновенія отдѣльныхъ властей и личностей, недостаточная отвѣтственность, безначаліе, вызовуть въ самомъ непродолжительномъ времени цѣлый рядъ недоразумѣній, которыя уже предусматриваются нѣкоторыми болѣе дальновидными людьми. Вся эта категорія нашихъ новыхъ государственныхъ учрежденій исправится впоследствии сама собою; надо только умѣло и во-время раздѣлить на отдѣльныя партіи общественное мнѣніе, подвергающее ихъ нападкамъ“.

Изъ сравненія стараго порядка вещей съ новымъ проистекають, по мнѣнію Мирабо, слѣдующіе выводы. „Если большая часть постановленій Національнаго Собранія благопріятна для королевской власти, то король заинтересованъ въ конституціи и долженъ употребить всѣ средства, чтобъ исполнить свое обѣщаніе поддерживать ее. Если же нѣкоторыя статьи конституціи и не вполне согласны съ идеей монархизма, то единственнымъ средствомъ добиться согласованія ихъ съ интересами королевской власти, это—обратиться къ содѣйствію общественнаго мнѣнія, которое должно быть верховнымъ руководителемъ и для самихъ законодателей“. Вотъ и всѣ quasi-реакціонныя мѣры, принятіе которыхъ Мирабо будто бы совѣтовалъ Людовику XVI. Ихъ можно формулировать въ общемъ въ слѣдующихъ словахъ: предоставить всѣмъ партіямъ безъ различія полную свободу дѣйствія, но въ то же время употребить всѣ возможныя средства для того, чтобъ обезпечить въ глазахъ общественнаго мнѣнія страны побѣду для той государственной системы, которую онъ—Мирабо считаетъ наиболѣе соотвѣтствующей интересамъ государ-

ства въ данный историческій моментъ. Эти средства сводятся въ итогъ къ слѣдующимъ тремъ: а) нужно организовать обмѣнъ мнѣній между столицей и провинціями, чтобъ узнать общественное мнѣніе; б) нужно начать изданіе журнала и соотвѣтствующаго характера брошюръ, чтобъ направлять общественное мнѣніе къ одной опредѣленной цѣли, и в) необходимо выбрать искусныхъ и энергичныхъ министровъ, которые могли бы умѣло извлечь пользу изъ всего этого. Мирабо не допускаетъ даже мысли, чтобъ какое бы то ни было правительство могло переступить эти границы, начертанныя безусловнымъ уваженіемъ къ свободѣ.

„Я часто говорилъ,—повторяетъ Мирабо въ другомъ своемъ мемуарѣ (отъ 24 августа 1790 года),—что приходится измѣнить самую манеру управленія, разъ правительство стало уже другимъ. Общественное мнѣніе все разрушило; оно же должно и возстановить. Оно высказывается устами передовыхъ людей націи, популярность которыхъ обезпечиваетъ за ними право располагать массами. Приближается моментъ, когда эти идеи придется осуществлять на практикѣ, потому что со дня на день надо ожидать образованія министерства, которое явится выразителемъ господствующаго въ странѣ общественнаго мнѣнія“. Въ запискѣ отъ 1 сентября того же года онъ пишетъ: „Съ абсолютизмомъ во Франціи покончено навсегда. Революція можетъ окончиться неудачей, конституція можетъ быть ниспровергнута, государство можетъ оказаться потрясеннымъ анархіей, но возстановленіе абсолютизма немислимо больше“. Послѣдняя миссія, которая остается на долю королевской власти и къ принятію на себя которой Мирабо приглашаетъ Людовика XVI, это — окончить освобожденіе народа, давъ ему истинное просвѣщеніе. Особенно важнымъ при этомъ онъ считаетъ, чтобъ основныя руководящія

начала были вездѣ одни и тѣ же: гарантируя народу извѣстныя права, нельзя умалчивать и объ обязанностяхъ; нельзя и внушать народу какихъ-либо ложныхъ надеждъ или желаній. Только при этомъ условіи и можно будетъ создать законы, достойные просвѣщенной націи. Конституція очищенная и исправленная, когда настанетъ успокоеніе умовъ, можетъ, по убѣжденію Мирабо, послужить лишь къ укрѣпленію королевскаго авторитета; въ свою очередь, и свобода, основанная на законѣ, не будетъ внушать ужаса гражданамъ.

VII.

Въ запискѣ отъ 14 октября 1790 года Мирабо излагаетъ самымъ подробнымъ и точнымъ образомъ свою программу. „Что слѣдуетъ разумѣть подъ основами конституціи?“ спрашиваетъ онъ и такъ отвѣчаетъ на свой вопросъ: „наслѣдственную королевскую власть въ рукахъ династіи Бурбоновъ; законодательный корпусъ, постоянный, но періодически избираемый и ограниченный въ своихъ функціяхъ исключительно составленіемъ законовъ; единство и самая широкія полномочія верховной исполнительной власти во всемъ, что касается управленія королевствомъ, исполненія законовъ, руководства и направленія общественныхъ силъ страны; преимущественное и исключительное право законодательной палаты въ области установленія налоговъ; новое административное раздѣленіе королевства; даровая юстиція; свобода печати, отвѣтственность министровъ; распродажа земель, принадлежащихъ казнѣ и духовенству; назначеніе опредѣленнаго жалованья королю; полное уничтоженіе всякаго рода сословныхъ и имущественныхъ привилегій и изыятій денежнаго характера; уничтоженіе феодализма, парламентовъ, знати и духовенства—какъ отдѣльныхъ сословій;

вотъ что я разумѣю подъ основами конституціи. Всѣ эти ограниченія королевской власти могутъ сдѣлать ее только еще болѣе сильной; при томъ, они вполне примиримы съ монархическимъ образомъ правленія“. Второй вопросъ, который Мирабо старается выяснитъ въ указанной запискѣ, это—вопросъ, что такое истинно-народная партія, въ которой слѣдуетъ королю искать опоры. Подъ такой партіей Мирабо разумѣетъ тѣхъ, кто является защитникомъ конституціи противъ недовольныхъ ею. Дворъ заявитъ себя, по мнѣнію Мирабо, сторонникомъ этой партіи, если—покинувъ навсегда и безъ возврата прежнюю магистратуру, аристократовъ и духовенство,—явно станетъ поддерживать всею силою своего вліянія дѣйствительное большинство національнаго собранія. Соединиться съ народной партіей—значитъ пріобрѣсти право и средства направлять ее по своему усмотрѣнію, а направлять это—управлять при данныхъ условіяхъ; въ такой только политикѣ и можетъ заключаться истинная сила при новомъ положеніи дѣлъ въ странѣ. Мирабо совѣтуетъ воспользоваться въ интересахъ короля даже тѣмъ недовольствомъ, которое существуетъ въ государствѣ противъ королевской власти, потому-что послѣднее направлено не противъ порядка вообще, а только противъ стараго порядка. Есть недовольные деспотизмомъ собранія, но они не желали бы имѣть дѣло и со всякимъ другимъ деспотизмомъ. Такіе „недовольные“ одинаково пойдутъ на гибель какъ за свободу, такъ и за монархическую форму правленія. Однако, для того, чтобы союзъ съ этой партіей сдѣлался для всѣхъ очевиднымъ, необходимо прекратить всякія дружескія отношенія съ ея врагами, т. е. съ феодалами, духовенствомъ и парламентами, которыхъ уже никто не хочетъ болѣе защищать. Кроме того, необходимо образованіе министерства, которое пользовалось бы расположеніемъ и довѣ-

ріємъ большинства народныхъ представителей, а не одного только лица въ государствѣ и которое не являлось бы представителемъ интересовъ какой-нибудь одной немногочисленной группы. Слѣдуетъ уничтожить всякое недоверіе между націей и королемъ и постараться предупредить возможность столкновения между большинствомъ собранія и министерствомъ. Политику двора, заставляющую народъ думать, что король—не на сторонѣ народа, Мирабо считаетъ опасной, потому что обезпечивая королю только меньшинство, она вызываетъ въ то же время анархію и сопротивленіе, вѣчное недоверіе между той и другой стороной. Но разъ дворъ не желаетъ отказать отъ подобной политики, то оказывается настоятельная необходимость въ такомъ человѣкѣ, который народу внушилъ бы мысль, что дворъ стоитъ за интересы народа, а дворъ убѣдилъ бы въ неизбѣжности искать опоры для себя только въ народѣ.

Въ этой послѣдней фразѣ Верморель видитъ тонкій намекъ на собственную роль, которую игралъ въ то время Мирабо, при чемъ отмѣчаетъ также полное безкорыстіе послѣдняго въ исторіи его переписки со дворомъ Людовика XVI-го. Мирабо хлопочетъ не столько объ упроченіи своего собственнаго вліянія, сколько о созданіи такой политической системы, которая оказывалась бы выгодной для государства. Онъ не требуетъ министерства для себя и для своихъ сторонниковъ и друзей, а желаетъ открыть дорогу къ власти для каждаго, кто можетъ быть полезнымъ для своей страны. Въ той же запискѣ отъ 14 октября, на которую мы уже указали, Мирабо пишетъ слѣдующее по вопросу о томъ, къ какой партіи должны принадлежать избираемые королемъ министры. „Министры, избранные изъ якобинцевъ, передадутъ свою республиканскую страстность и всему остальному королевству.

Если же избрать министровъ помимо якобинцевъ, то послѣдніе всетаки обойдутъ избранныхъ и существующее въ данный моментъ затрудненіе обнаружится снова“. Поэтому: министры могутъ быть назначены безразлично изъ всѣхъ партій, тѣмъ болѣе что даже якобинцы, ставши министрами, перестаютъ быть якобинцами. Всякое быстрое и сильное возвышеніе человѣка Мирабо считаетъ такимъ „кризисомъ“, который можетъ и освободить человѣка отъ имѣющихся въ немъ недостатковъ, и наградить ими, если ихъ нѣтъ у него. Находясь у кормила правленія, самый ярый демагогъ, видя вблизи слабыя стороны существующей системы управленія, будетъ напрягать всѣ свои силы къ тому, чтобъ улучшить послѣднюю. Постепенно „нейтрализуясь“ въ своихъ взглядахъ, помимо желанія, самъ не замѣчая этого, онъ мало-по-малу перестанетъ быть самимъ собою и утратитъ слишкомъ яркую крайность своихъ сужденій и взглядовъ. Если бы министры назначались изъ народной партіи, то обойти ихъ было бы не такъ легко, какъ это принято думать. Даже и министры изъ якобинцевъ не представляли бы собой особенно большого различія, потому что одинаковость полномочій способствуетъ вообще къ сближенію и взаимному пониманію между представителями отдѣльныхъ партій. Союзъ ихъ между собой, сглаживая крайности, оказался бы въ концѣ концовъ благопріятнымъ исключительно въ интересахъ той же королевской власти. Окончательно формулируя свой совѣтъ королю относительно выбора новыхъ министровъ, Мирабо говоритъ, что онъ желалъ бы „дать королю настоящихъ людей, а не министровъ-лакеевъ“. Если такимъ образомъ Мирабо ищетъ сближенія съ королевской властью, то дѣлаетъ это для того, чтобъ упрочить, а не потрясти конституцію. Опасаясь, чтобъ реакція не свела на нѣтъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ революціей, Мирабо стремится

во что бы то ни стало отстоять эти приобретения, хотя бы цѣною нѣкоторыхъ компромиссовъ. Въ запискѣ отъ 6 октября 1790 года онъ говоритъ, между прочимъ, о тѣхъ средствахъ, при помощи которыхъ можно ниспровергнуть конституцію. Изъ этихъ средствъ слѣдуетъ опасаться больше всего — одного средства, которое — отминая старые дурные законы — можетъ въ то же самое время воскресить всѣ прежнія злоупотребленія и привести страну къ той точкѣ, съ которой начались событія 89-го года. Оно можетъ снова вернуть странѣ и безпокойную аристократію, и ненавистныя привилегіи, и магистратуру, склонную къ неповиновенію, и многое другое, что казалось бы невозвратнымъ. Главную и весьма серьезную опасность для молодой конституціи Мирабо видитъ въ невозможности дать правильное и мирное теченіе различнымъ органамъ государственнаго и общественнаго управления, созданнымъ или вызваннымъ къ жизни революціей. Избѣжать безначалія и дезорганизациі — вотъ цѣль, которую главнымъ образомъ Мирабо имѣетъ въ виду, въ интересахъ народа, чего онъ, впрочемъ, не скрываетъ и въ своей перепискѣ съ Людовикомъ XVI-мъ. „Если угодно разрушить конституцію, пишетъ онъ королю, то надо только ничего не дѣлать, потому что она должна неизбѣжно рухнуть сама собой; но надо сохранить изъ нея все, что можетъ оказаться полезнымъ для націи или для монарха, но это возможно лишь при очень искусной и осторожной политикѣ“. Впрочемъ, дѣлаетъ онъ далѣе оговорку, не дѣлать ничего — это значило бы продолжать анархію и подвергать страну опасности гражданской войны, опасности разложенія... Революціонный потокъ можетъ принять такіе размѣры, что его не въ силахъ будутъ удержатъ никакія плотины, никакія преграды. Нужно поэтому дѣйствовать, но не для того, чтобъ возбуждать общественное мнѣніе

страны противъ дурныхъ законовъ (зло неизбежное и—къ несчастію—необходимое), но чтобъ направлять это мнѣніе къ полезной цѣли: эта цѣль—спокойное преобразование конституціи легальнымъ путемъ, будетъ-ли это сдѣлано національнымъ собраніемъ, если взрывъ недовольства разразится ранѣе, чѣмъ собраніе будетъ замѣнено какимъ-либо другимъ учрежденіемъ, или въ другомъ—законодательномъ собраніи. Всѣ свои надежды на проведеніе желательныхъ государственныхъ реформъ Мирабо возлагаетъ на это новое законодательное собраніе, которое было бы созвано при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ и подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, лучше освѣдомленнаго объ истинномъ положеніи дѣлъ въ странѣ. Но онъ желаетъ, чтобъ все дѣлалось въ странѣ правильно и на законныхъ основаніяхъ, отвергая при этомъ всякую мысль о государственномъ переворотѣ или о контрреволюціи, какими бы мотивами послѣдніе ни оправдывали себя.

Взгляды Мирабо, составляющіе сущность его переписки со дворомъ Людовика XVI, прекрасно резюмированы имъ самимъ въ подробной докладной запискѣ королю, написанной имъ за нѣскольکو дней до своей смерти, озаглавленной такимъ образомъ: „Взглядъ на положеніе Франціи и о средствахъ для примиренія общественной свободы съ авторитетомъ королевской власти“. Возстановленіе послѣдней Мирабо считаетъ дѣломъ слишкомъ серьезнымъ и сложнымъ, чтобъ достигъ полнаго соглашенія и въ деталяхъ этого вопроса, и въ практическихъ послѣдствіяхъ его разрѣшенія. Нападать на революцію — значитъ итти далѣе цѣли, потому что движенію, которое увлекаетъ французскій народъ къ созданію лучшихъ для себя законовъ, надо покровительствовать, а не препятствовать. Если бы даже возможно было заставить однимъ ударомъ исчезнуть

цѣлое поколѣніе или уничтожить всякія воспоминанія у 25 милліоновъ людей, то и въ такомъ случаѣ было бы всетаки невозможно добиться того, чтобы французская нація отказалась отъ осуществленія всѣхъ своихъ надеждъ и отъ плодовъ побѣды, купленной цѣной такихъ усилій и жертвъ. Признать революцію и въ то же время нападать на конституцію было бы также трудно осуществимой затѣей, потому что приходится имѣть дѣло съ націей, которая прежде всего желаетъ конституціи, думаетъ, что она уже получила ее и едва-ли позволитъ безнаказанно обманывать себя на этотъ счетъ. Необходимо поэтому, совѣтуетъ Мирабо двору, признать одновременно какъ революцію, въ ея основѣ, такъ и конституцію—въ большей части ея положеній; помиме этого признанія, нѣтъ никакихъ средствъ вступить въ какія бы то ни было опредѣленныя отношенія съ народомъ, его вождями или съ партией „недовольныхъ“, которые могутъ имѣть какое нибудь вліяніе на народъ.

Стремиться къ еще болѣе совершенной конституціи—вотъ единственная цѣль, которую могутъ и должны имѣть въ виду благоразуміе, честь и истинные интересы короля, неотдѣлимые отъ интересовъ націи.

Въ той политической системѣ, которую предлагаетъ Мирабо, королевская власть, пользующаяся заслуженнымъ авторитетомъ въ глазахъ народа, является однимъ изъ важнѣйшихъ оплотовъ противъ внутренней анархіи. Реформа конституціи должна быть совершена, по мнѣнію Мирабо, какъ мы уже говорили объ этомъ, національнымъ собраніемъ или новымъ собраніемъ представителей націи. Но—можетъ быть—есть еще, третье средство исправить конституцію,—сдѣлавъ это посредствомъ королевскаго манифеста или какого-либо другого акта исполнительной власти? „Нѣтъ, нѣтъ и тысяча разъ нѣтъ!“

отвѣчаетъ онъ на свой вопросъ. Ничего не слѣдуетъ дѣлать въ данномъ случаѣ черезъ исполнительную власть въ государствѣ; одна только законодательная палата, избранная народомъ, можетъ съ пользою совершить подобную реформу. Въ дальнѣйшемъ изложеніи своей мысли Мирабо подробно говоритъ о тѣхъ средствахъ, при помощи которыхъ можно было бы подготовить общественное мнѣніе къ тому, чтобъ добиться собранія, которое должно явиться правопреемникомъ перваго; но онъ ни разу не предлагаетъ королю принятія какихъ-либо жестокихъ и произвольныхъ мѣръ противъ новаго порядка вещей во Франціи, созданнаго 89-мъ годомъ.

Верморель останавливается слишкомъ подробно на сношеніяхъ Мирабо съ королевскимъ дворомъ главнымъ образомъ потому, что опубликованная въ 1851 году „переписка между Мирабо и графомъ Ламаркомъ“ вызвала, какъ извѣстно, цѣлый рядъ обвиненій противъ Мирабо „въ измѣнѣ“. Изъ этой именно „переписки“ Верморель и заимствуетъ всѣ вышеприведенныя нами выдержки, хотя сущность этой переписки была опубликована Монтинья еще гораздо ранѣе, а именно въ 1835 году („Мемуары Мирабо“). Нужна крайне предвзятая точка зрѣнія на исторію революціи и ея дѣятелей, чтобъ найти во всѣхъ этихъ матеріалахъ какія-либо основанія для обвиненія Мирабо. По мнѣнію Вермореля, „переписка между Мирабо и граф. Ламаркомъ“ можетъ оказать услугу только для реабилитаціи памяти Мирабо, такъ какъ впервые проливаетъ свѣтъ на многіе факты и обстоятельства, оставшіеся до того невыясненными. Такъ именно смотрѣлъ на эту „переписку“ и самъ Мирабо, энергично настаивавшій на ея опубликованіи. Всего за три дня до своей смерти онъ писалъ Ламарку: „Можетъ быть благоразумнѣе всего было бы уничтожить всѣ эти бумаги, но я долженъ признаться, что

я не могу рѣшиться на это; въ нихъ именно потомство найдетъ,—я надѣюсь на это,—самое лучшее оправданіе моего поведенія за послѣднее время; въ нихъ заключается возстановленіе доброй памяти обо мнѣ въ будущихъ поколѣніяхъ...“ Само собой разумѣется, что подобныя строки, вышедшія изъ-подъ пера Мирабо, были бы по меньшей мѣрѣ странными, если-бъ въ бумагахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, могло находиться что-либо позорное для его имени или чести. И дѣйствительно, вся эта „переписка“, состоящая изъ писемъ, адресованныхъ Мирабо къ королю, Ламарку, къ министрамъ и разнымъ государственнымъ людямъ той эпохи, свидѣтельствуемъ о полной независимости, которая составляетъ отличительную черту характера Мирабо. Къ сожалѣнію, издатель этихъ писемъ, не имѣвшій ничего общаго по своимъ взглядамъ съ великимъ государственнымъ дѣятелемъ, — желая оправдать послѣдняго въ глазахъ современниковъ и потомства, даетъ личности Мирабо совершенно ложное освѣщеніе, такъ какъ — подобно Монтињи—старается изобразить его преданнымъ слугою трона и даже—алтаря. Насколько такое изображеніе далеко отъ истины, едва-ли есть надобность еще говорить послѣ всего только сказаннаго нами по этому вопросу.

VIII.

Одинъ изъ защитниковъ Мирабо вполне основательно замѣчаетъ, что очень часто повторяли, будто Мирабо продалъ себя двору, но никто до сихъ поръ не указалъ, къ какому именно времени относится эта „измѣна“ Мирабо дѣлу національнаго освобожденія. Между тѣмъ, если бы подобнаго рода обвиненія противъ Мирабо не были голословными, то не трудно было-бы опредѣлить такой моментъ,—напр., по перемѣнѣ въ

рѣчахъ и въ поведеніи Мирабо въ національномъ собраніи,—перемѣнѣ, которая была бы неизбѣжной и которую невозможно было бы скрыть отъ другихъ. Однако, ничего подобнаго нельзя было замѣтить ни въ мысляхъ Мирабо, ни въ его публичномъ поведеніи. Напротивъ, какъ разъ въ то именно время, когда его сношенія со дворомъ установились, повидимому, наиболѣе прочно, Мирабо произнесъ одну изъ самыхъ революціонныхъ рѣчей, когда говорилъ о необходимости замѣнить бѣлое королевское знамя трехъ-цвѣтнымъ—національнымъ. На упреки, съ которыми обратился къ нему графъ Ламаркъ по этому поводу, Мирабо отвѣтилъ ему слѣдующимъ письмомъ, какъ нельзя яснѣе иллюстрирующимъ тѣ чувства, которыя не переставали ни на одинъ мигъ воодушевлять Мирабо. Вотъ это письмо.

Пятница, 22 октября 1790.

„Дорогой графъ! Я заслужилъ, чтобъ вы судили обо мнѣ только на основаніи вашего собственнаго, а не чужого мнѣнія. Вчера я былъ не „демагогомъ“, а великимъ гражданиномъ и—можетъ быть—искуснымъ ораторомъ. Представьте себѣ: эти бездѣльники, опьяненные чисто-случайнымъ успѣхомъ, прямо предлагаютъ вамъ контр-революцію и думаютъ, что я не обрушусь на нихъ!.. Говоря откровенно, мой другъ, я не имѣю ни малѣйшаго желанія пожертвовать кому-нибудь мою честь, а двору—мою голову. Если бъ я былъ только политикомъ, то я сказалъ бы: мнѣ необходимо, чтобъ эти господа боялись меня. Но я честный гражданинъ, который любитъ славу, честь, а прежде всего—свободу, и—разумѣется—ретрограды всегда будутъ имѣть во мнѣ чловѣка, готоваго разгромить ихъ каждую минуту. Вчера я былъ способенъ требовать ихъ казни; если бы они продолжали въ томъ же направленіи, то принудили бы меня къ этому, хотя бы только ради спасенія нѣсколькихъ честныхъ людей изъ

ихъ среды. Однимъ словомъ, я—сторонникъ возстановленія порядка, но не стараго порядка. Въ вашемъ распоряженіи есть очень простой способъ выйти изъ затрудненія, о которомъ вы мнѣ говорите и которое я не вполне хорошо понимаю: это—показать кому слѣдуетъ мое настоящее письмо...“

„Затрудненіе“, на которое Мирабо намекаетъ въ письмѣ, могло дѣйствительно быть не совсѣмъ пріятнымъ для Ламарка, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что онъ хвалился въ придворныхъ сферахъ тѣмъ, что ему удалось склонить Мирабо на свою сторону. Слѣдуя совѣту Мирабо, Ламаркъ показалъ, между прочимъ, вышеприведенное письмо тулузскому архіепископу, но послѣдній возвратилъ его, откровенно признавшись, что это письмо „внушаетъ ему ужасъ“, почему онъ и не далъ письму дальнѣйшаго движенія. Самъ Ламаркъ старался объяснить поведеніе Мирабо своего рода завистью послѣдняго къ Бергасу, къ которому дворъ также обращался за совѣтами въ эти критическіе для себя дни. Лучшимъ доказательствомъ несостоятельности подобнаго объясненія можетъ служить уже одно то обстоятельство, что на другой день, т. е. 23 октября, Мирабо обратился непосредственно къ королю съ письмомъ, въ которомъ требовалъ со стороны двора уступки общественному мнѣнію націи, какъ непремѣннаго условія для возможности своихъ дальнѣйшихъ сношеній съ придворными сферами. Ламаркъ хвастался тѣмъ, что ему удалось заручиться содѣйствіемъ Мирабо въ пользу монархіи, но Верморель считаетъ гораздо болѣе правдоподобнымъ предположеніе, что какъ самъ Ламаркъ, такъ и вся придворная партія, не исключая и самого Людовика XVI, были только орудіемъ въ рукахъ этого могущественнаго чловѣка, желавшаго воспользоваться ими для достиженія своихъ цѣлей: обезпечить торжество ре-

волюці вопреки всѣмъ смутамъ, порожденнымъ анархіей, и проискамъ реакціонеровъ.

Любопытно мнѣніе о Мирабо историка Мишле, приводимое Верморелемъ въ его книгѣ. „Мы не можемъ, говоритъ Мишле, развѣнчать или унижить этого человѣка, справедливо отождествляемаго съ революціей, безъ того чтобъ не унижить въ то же время насъ самихъ, не развѣнчать Франціи. Время, которое разоблачаетъ все, не открыло рѣшительно ничего, что давало бы поводъ для обвиненія Мирабо въ измѣнѣ. Вина Мирабо заключалась въ печальномъ заблужденіи, которое раздѣляли тогда всѣ въ большей или меньшей степени. Всѣ государственные люди того времени, безъ различія партій, начиная съ Казалеса и Мори и кончая Робеспьеромъ и Маратомъ, думали, что Франція была настроена монархически, всѣ они желали, чтобъ въ странѣ оставалась монархія. Мирабо вѣрилъ, что нужна сильная королевская власть или не нужно никакого короля. Историческій опытъ не разъ показывалъ, что разныя незаконнорожденные конституціи сплошь и рядомъ приводятъ къ замаскированной тираніи. Средство, которое Мирабо предлагаетъ королю для возстановленія потеряннаго престижа, это — стать еще болѣе революціоннымъ, чѣмъ само національное собраніе...“ „Тутъ не было измѣны, — продолжаетъ Мишле, — былъ развѣ одинъ подкупъ. Но чѣмъ — деньгами? Правда, что Мирабо — кажется — получалъ отъ двора нѣкоторую сумму, которая должна была покрывать огромныя издержки по перепискѣ его съ департаментами и содержанію своего рода цѣлаго министерства, организованнаго имъ у себя для этой цѣли. Самъ Мирабо говоритъ, что его не покупали, а только платили ему“. Это объясненіе, конечно, далеко не оправдываетъ поведенія Мирабо, и Мишле признаетъ въ концѣ концовъ справедливымъ, что для праха

Мирабо не было дано мѣста въ Пантеонѣ, гдѣ покоятся вѣчнымъ сномъ лучшіе люди Франціи. Но Верморель не согласенъ съ такимъ слишкомъ суровымъ приговоромъ знаменитаго историка и старается защитить Мирабо противъ обвиненій въ продажности, указывая на то, что—во-первыхъ—Мирабо получалъ гораздо меньше, чѣмъ принято думать, а—во-вторыхъ—онъ умеръ все-таки несостоятельнымъ должникомъ. Достоверно извѣстно также, что во всей его перепискѣ съ Ламаркомъ нѣтъ ни одного намека, прямого или косвеннаго, который давалъ бы право для какихъ-либо положительныхъ заключеній на этотъ счетъ. Всѣ докладныя записки, адресованныя Мирабо двору, написаны тономъ серьезнаго государственнаго дѣятеля, гораздо больше думающаго о благѣ своей страны, чѣмъ о самомъ себѣ, не говоря уже о томъ, что вся эта переписка не заключаетъ въ себѣ и гѣни какого-либо нравственнаго цинизма, въ которомъ такъ часто обвиняли Мирабо его недоброжелатели. Верморель сомнѣвается даже въ достоверности приводимыхъ историкомъ Мишле якобы собственныхъ словъ Мирабо о томъ, что „ему платили, но не покупали его“: вѣдь, такъ часто случается, что чья-либо случайная удачная выдумка сперва признается, а затѣмъ—и цитируется въ историческихъ сочиненіяхъ, какъ несомнѣнный фактъ, хотя бы для этого не находилось никакого серьезнаго основанія. Нѣсколько строкъ изъ „Исторіи Франціи“ Жену, касающихся характеристики Мирабо и цитируемыхъ Верморелемъ, даютъ нѣкоторое право предполагать, что къ числу такихъ именно „выдумокъ“ досужихъ умовъ относится и та фраза, на которую Мишле ссылается, какъ на собственное признаніе Мирабо.

Во всѣхъ документахъ, опубликованныхъ Ламаркомъ, есть одно только мѣсто, гдѣ Мирабо говоритъ объ уплатѣ его долговъ черезъ по-

средство королевскаго двора; это—письмо, адресованное имъ къ Лафайету. Въ немъ Мирабо обсуждаетъ тѣ средства, при помощи которыхъ онъ могъ бы вмѣстѣ съ Лафайетомъ упрочить свое вліяніе при дворѣ и тѣмъ обезпечить—какъ ему кажется—торжество дѣла, одинаково близкаго сердцу ихъ обоихъ. „Между средствами обезпечить себѣ успѣхъ, пишетъ онъ, я вижу только одно спасеніе: необходимо устранить такъ или иначе всѣ затрудненія, которыя постоянно причиняютъ мнѣ мои противники, то ставя мнѣ на видъ ошибки и увлеченія моей частной жизни, якобы расходящейся съ моимъ публичнымъ поведеніемъ, то нарушая покой моего домашняго очага, чтобъ помѣшать моимъ работамъ, то лишая меня довѣрія такихъ людей, въ глазахъ которыхъ высшими добродѣтелями человѣка являются экономія и порядокъ. Еслибъ за мной не признали общественнаго вліянія, ради котораго стоило бы помочь мнѣ, то не было бы разумѣется большой важности въ томъ, что мнѣ отравляютъ жизнь всѣ эти тревоги и безпокойства, заставляя меня покупать малѣйшій успѣхъ, малѣйшую популярность гораздо болѣе дорогой цѣной, чѣмъ это достается всякому другому. Но—если принять во вниманіе, что далеко не безразлично, оказываютъ-ли извѣстные вожаки вліяніе на общественное мнѣніе страны или нѣтъ, то почему бы не попытаться отнять у моихъ противниковъ всякіе поводы къ нападкамъ на меня, а мнѣ развязать такимъ образомъ руки, не столько ради меня лично, сколько въ интересахъ отечества, переживающаго такой критическій моментъ? Только это именно и имѣя въ виду я и желаю, чтобъ мои долги были уплачены и чтобъ одному изъ моихъ друзей, котораго я укажу, было поручено приведеніе моихъ запутанныхъ дѣлъ въ порядокъ“. По поводу этого собственноручнаго письма Мирабо, которое считалось одно время унич-

тоженнымъ въ эпоху террора, противники и враги Мирабо увѣряли, будто бы послѣдній просилъ въ немъ короля о назначеніи его посланникомъ въ Константинополь и говорилъ о какихъ-то деньгахъ, уже полученныхъ имъ отъ двора. Къ счастью для памяти Мирабо, письмо это оказалось сохранившимся и—слѣдовательно—есть полная возможность видѣть, что въ немъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на какія бы то ни было суммы, будто бы полученныя Мирабо отъ короля. Напротивъ, это письмо какъ разъ доказываетъ, что 28 апрѣля 1790 года, когда оно было написано, Мирабо не получалъ рѣшительно ни отъ кого никакихъ денегъ, находился въ крайне стѣсненномъ матеріальномъ положеніи и подвергался болѣе, чѣмъ когда-либо, ожесточеннымъ преслѣдованіямъ со стороны своихъ кредиторовъ. Необходимо также, для правильной оцѣнки факта, принимать во вниманіе и взгляды, нравственное міросозерцаніе той эпохи, въ которую жилъ Мирабо: въ глазахъ того общественнаго слоя, къ которому принадлежалъ Мирабо, не считалось нисколько предосудительнымъ, если король, являвшійся представителемъ государства, вознаграждалъ кого-либо за услуги, оказанныя странѣ. Съ тѣхъ поръ мы ушли далеко въ пониманіи истиннаго человѣческаго достоинства, но нельзя же требовать отъ человѣка, хотя бы и такого выдающагося, какъ Мирабо, чтобъ онъ былъ непременно выше своего вѣка. Если бъ Мирабо ради денегъ, полученныхъ отъ двора, пожертвовалъ благомъ народа или измѣнилъ своимъ принципамъ, это было бы безъ сомнѣнія низкимъ поступкомъ, недостойнымъ великаго государственнаго дѣятеля. Но если онъ остался самимъ собой, если онъ получалъ деньги только для того, чтобы еще болѣе обезпечить себѣ такимъ путемъ полную независимость и имѣть, благодаря этому, возможность посвятить

всѣ свои силы на служеніе отечеству, то едва-ли можно признать подобное поведеніе позорнымъ и заслуживающимъ строгаго приговора. Когда дѣло идетъ о Мирабо или о комъ-либо другомъ изъ его современниковъ, то было бы вообще несправедливо не считаться съ той эпохой, когда они жили...

То же самое можно сказать и относительно „безнравственности“ Мирабо, которую такъ часто ставятъ ему въ упрекъ. „Какова была нравственность Вольтера, Дидро, наконецъ—самого Руссо? спрашиваетъ Верморель: а между тѣмъ— всѣ они, равно какъ и многіе другіе выдающіеся люди 18-го вѣка, пользуются всеобщимъ и заслуженнымъ уваженіемъ за тѣ идеи, которыя были ими высказаны или развиты“. Все, что намъ извѣстно относительно Мирабо въ этой щекотливой области, свидѣтельствуемъ скорѣе о томъ, что онъ былъ человекомъ „страстей“, чѣмъ объ его распутствѣ. Тѣмъ менѣе заслуженными являются тѣ жестокія обвиненія, которыми хотятъ очернить его память. Необходимо при этомъ не забывать и о томъ, что частная жизнь общественныхъ дѣятелей не должна входить въ ихъ оцѣнку, какъ таковыхъ, если только она не оказываетъ никакого вліянія на ихъ общественную дѣятельность, какъ мы видимъ это у Мирабо. Такихъ людей надо цѣнить только съ точки зрѣнія тѣхъ великихъ идей и примѣровъ, которые завѣщаютъ ими въ наслѣдство своему потомству. И если мы подойдемъ къ оцѣнкѣ Мирабо съ этой именно точки зрѣнія, то немного придется указать въ исторіи другихъ столь же крупныхъ во всѣхъ отношеніяхъ людей, какъ Мирабо. Какъ же все-таки могло случиться, что большинство французскихъ историковъ отнеслось къ этому государственному дѣятелю съ такой вопіющей несправедливостью? Верморель объясняетъ послѣднюю главнымъ образомъ тѣмъ, что большая часть его

сочиненій, составляющихъ славу и лучшее украшеніе его имени, почти позабыты въ наши дни. Даже въ самой Франціи оказываются почти совершенно неизвѣстными самыя важнѣйшіе изъ его трудовъ, предшествовавшихъ появленію его въ роли государственнаго дѣятеля въ Національномъ Собраніи. Послѣднее собраніе сочиненій Мирабо, указываемое Верморелемъ, относится къ 1851 году и оказывается далеко неполнымъ, такъ какъ ограничивается только ораторскими рѣчами Мирабо. Нельзя также назвать полнымъ собраніемъ и то изданіе (Національной библіотеки), которое Верморель снабдилъ своими комментаріями и введеніемъ, послужившимъ для насъ основой для настоящей характеристики Мирабо, какъ одного изъ выдающихся государственныхъ людей въ Европѣ въ концѣ 18-го вѣка.

Умирая съ полнымъ сознаниемъ исполненнаго гражданскаго долга и великихъ услугъ, оказанныхъ своему отечеству, Мирабо вѣрилъ въ безпристрастіе и справедливость приговора, который произнесутъ надъ нимъ время и потомство. „Помните, писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, что единственное дошедшее изъ древности до нашихъ дней посвященіе заключаетъ только одно слово: „времени!“ „Времени!“—вотъ девизъ, который долженъ взять для себя всякій, кто только искренно любитъ славу. Пускай мои враги нападаютъ на меня, за меня отвѣтитъ имъ время, потому что я писалъ и буду писать для будущаго, а не для тѣхъ или другихъ партій...“ Реабилитация его добраго имени совершалась медленно и—можно сказать—еще не совершилась окончательно до сихъ поръ. Лучшимъ памятникомъ, какой только Франція могла воздвигнуть въ честь Мирабо, это-популярное изданіе его блес-

тящихъ по языку и силѣ мысли сочиненій, не утратившихъ своего интереса и поучительности и для нашихъ дней. Въ виду того, что вопросы государственной жизни, освѣщаемые въ этихъ сочиненіяхъ, представляютъ серьезный и весьма важный интересъ не для одной Франціи, нельзя не пожелать, чтобъ указываемое нами собраніе трудовъ Мирабо въ изданіи „Національной Библиотеки“, обстоятельно комментированное Верморелемъ, увидѣло когда-либо свѣтъ и на русскомъ языкѣ. Тогда, можетъ быть, разсѣется и то предубѣжденіе противъ Мирабо, которое такъ долго и такъ усердно насаждалось его политическими противниками.

(К о н е ц ъ).

Того же автора:

ЗАПИСКИ УЧИТЕЛЯ (въ 2-хъ частяхъ). Цѣна **75** к.
(Изданіе М. В. Пирожкова).

Ав. П. ЩАПОВЪ — какъ педагогъ. Цѣна **25** коп.
Изданіе „Сѣвернаго Книгоиздательства“.

А. И. ГЕРЦЕНЪ, западники и славянофилы. Цѣна **25** к.
Изданіе „Сѣвернаго Книгоиздательства“.

Приготовляется къ печати:

П. А. КРОПОТКИНЪ, (біографическій очеркъ).

Цѣна 25 коп.

YB

M303149

THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY